

Евгений Лавида

Суггестия

Евгений Сергеевич Лавида

Суггестия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54164403

SelfPub; 2020

Аннотация

На глазах у Павла погибает его друг. Трагическое событие лихо закручивает судьбы участвовавших в нем людей. Стечение обстоятельств или убийство? Что таит в себе безобидный пост в социальной сети, который читал погибший за минуты до своей смерти? И самый страшный вопрос. Кто убивает участников трагической смерти молодого человека? Ответы на эти вопросы предстоит найти Павлу, что бы во всем разобраться. А так же попытаться вернуть любовь, которая станет частицей света в опустившемся на молодого человека мраке.

Суггестия (внушение) – в психологии – воздействие на личность, приводящее либо к появлению у человека помимо его воли и сознания определенного состояния, чувства, отношения, либо к совершению человеком поступка, непосредственно не следующего из принимаемых им норм и принципов деятельности. Объектом внушения может быть как отдельный человек, так и группы, коллективы, социальные слои (массовое внушение).

Большой энциклопедический словарь

1

Дождь стучал по окнам автобуса, из-под колес временами разлетались волны, обрызгивая машины в соседних рядах, или пешеходов, не успевших отойти подальше от дороги.

Мы с Костей ехали домой, очередной рабочий день закончился, и люди в автобусе, как и мы спешили попасть к семье, лечь на диван, сесть за кухонный стол и насладиться вечером с семьей, ну или как и мы зависнуть в интернете за он-лайн игрой.

– Ты опять завис в сети! – Обратился я к Косте, с любопытством читающему, что-то на экране телефона. – Давай уже, выходи офф-лайн, а то я выйду на остановке, а ты поедешь до конечной.

– Да блин, не мешай, тут интересный пост! – ответил он не отрываясь.

За окном уже смеркалось, наступили сумерки, а освеще-

ние на улицах так и не включили, ну не могут наши городские службы так настроить всю систему, чтобы город сначала не погрузился в ночь, освещаемый лишь фарами машин, а потом, когда на улицах уже пройдет час пик, загорятся уличные фонари, наливая город желто-оранжевым цветом, так классно смотрящимся зимой, что и новогодние гирлянды не нужны.

Сумерки, дождь, фонари не горят, город живет лишь в свете автомобильных фар, рассеиваемом водой. Обстановка за окном автобуса в стиле лучшего современного триллера.

– Наша остановка, пошли. – Я потянул Костю за рукав.

Мы протиснулись через толпу переполненного автобуса и спрыгнули со ступеньки. Я, как всегда спрыгнул в лужу.

– Да что ж такое, я на это остановке всегда попадаю в эту лужу, водители специально останавливаются около нее?

– Ты просто не смотришь под ноги когда выходишь из автобуса! – подбодрил меня мой друг.

– Можно подумать, что ты смотришь. Ты, между прочим ни на мгновение не отвлекся от телефона! Я тебя и из автобуса вытащил и мимо лужи приземлил.

– Вот видишь, быть в сети не всегда плохо. – Усмехнулся он и убрал телефон в карман.

– Так, хватит болтать, пошли пока зеленый горит.

Мы двинулись по пешеходному переходу, а светофор на противоположной стороне отсчитывал секунды. 7..6..5, вот он уже настойчиво запищал, говоря, мол давайте побыстрее

передвигайте ногами, если не хотите оказаться под колесами машин.

Мы преодолели последние два ряда в несколько прыжков. Я запрыгнул на тротуар, а Костя остановился на бордюре. В этот момент на светофоре для машин одновременно загорелись красный и желтый свет, и сменились зеленым. Их свечение отразилось от тыльной стороны дорожного знака.

Костя стоял на бордюре и не двигался. Казалось, что это не живой человек, а какая-то восковая фигура.

– Ты чего застыл? – Спросил я его. – Опять ушел он-лайн?

Машины за его спиной ехали, все спешили домой, пока горит зеленый. Вот к светофору приближается автобус и в этот момент Костя качнулся и начал падать на проезжую часть. Автобус, и так уже тормозивший перед остановкой, не успел бы остановиться.

– Костя! – Лишь успел крикнуть я.

Удар, автобус останавливается через несколько метров, после того места, где только что был Костя, а мой друг летит вперед

Я запомнил этот полет, это была целая вечность. Он, как театральная кукла взмахнул руками и упал на противоположной стороне дороги. Ужасный визг тормозов и Костя пропадает под колесами грузовика.

Я хотел вскрикнуть, но звук комом остановился у меня в груди. Я смотрел и не мог поверить в происходящее. Смерть, снова она, вот здесь, рядом со мной. Секунды, показавши-

еся мне вечностью, изменили обыденный вечер. Я слышал, как кричат женщины. Какая-то девочка спрашивала у мамы «мам, а почему дядя так полетел?». Кричали «вызовите скорую».

И среди всего шума всполошенной улицы, я услышал:

– Парень отойди от дороги, а то последуешь за ним.

Кто-то схватил меня за руку и повел на скамейку.

2

Ночь прошла. Больше я ни чего о ней не могу сказать. Я не сомкнул глаз. А если и закрывал, то сразу видел картину вчерашнего вечера.

Бессонница.

Утром нужно позвонить на работу, сказать, что сегодня не приду, да и возьму пару дней выходных. И то, что Костя тоже не придет, никогда не придет.

Днем нужно идти к следователю, его визитка лежит на столе. Правда я не помню, когда он мне ее дал. Но мозг, помимо моей воли, вспоминает, обрывки того, что происходило после случившегося.

Красно синие огни мигалок, отраженные в лужах. Звук сирен. Какой то человек протягивает мне что-то. Уже только дома я рассмотрел, что это было – визитка, дополненная надписью от руки «14. 11. 2019 в 11:30 кабинет 204».

Смогу ли я что-нибудь ему рассказать. Нужно как-то прийти в себя.

Аромат кофе разносится по квартире, но меня не берет

даже двойная порция эспрессо. Компьютер мигает своими лампочками. Точно, нужно найти видео с камер уличного наблюдения.

Так, сайт [situcam](#). Вот нужная остановка. Для запроса видео нужно заполнить форму – камера, время, адрес почты для отправки файла. Стоимость видео пятьсот рублей независимо от продолжительности и размера файла.

А сколько было времени? Я не помню! Я сижу, смотрю в монитор и понимаю, что не помню сколько было времени. Нужно спать! Но заснуть не получается.

Интернет манит меня в свои сети. Городские новости. Так, что здесь. Новость о произошедшей трагедии уже на сайте! И даже видео есть. Отлично, скачаю здесь.

Глаза быстро пробегают по новостному тексту, особо не вчитываясь. Мышка останавливается на плеере. Один клик отделяет меня от того, чтобы эти воспоминания прокручивались не только в голове, но и перед глазами. Ладно, посмотрю.

Вот наш автобус подъезжает на остановку, загорается зеленый для пешеходов, мы с Костей появляемся из-за автобуса, перебегаем дорогу, я запрыгиваю на тротуар, а Костя остается на бордюре.

Для машин загорается зеленый, Костя стоит.

Секунды превращаются в вечность, хотя я смотрю на хронометраж видео и вижу, как часы отсчитывают эти мгновения.

Костя начинает падать назад и в этот момент его сбивает автобус.

Я нажимаю стоп.

Хотя бы узнал, сколько было времени – 17:45.

– Документы. – Командным тоном говорит дежурный на проходной.

Я протягиваю ему свой паспорт. Он записывает данные в толстый журнал.

– К кому? – Не отрываясь от журнала, продолжает допрос дежурный.

Я достаю визитку и читаю.

– Следователь районного отдела полиции, капитан Семенов Олег Викторович, кабинет 204.

Дежурный фиксирует фамилию следователя и возвращает мне документы.

– Второй этаж. – Он нажимает кнопку, и турникет пропускает меня.

Я стою в коридоре, который двумя длинными змея расходится от меня влево и вправо.

– Где лестница, спрашиваю я дежурного, в ответ он махнул рукой в правую сторону.

Чтобы дойти до лестницы, мне пришлось пройти весь коридор. Она оказалась в самом его конце. Как двести четвертый кабинет, оказался в противоположном от лестницы конце коридора, дежурный мог бы отправить меня и к лестнице

поближе, а не пускать в туристический поход по коридорам полиции.

Стучу в кабинет.

– Да, – слышится из-за двери, – входите.

– Добрый день, – говорю я, заходя, – похоже вы меня на сегодня приглашали, – я показываю следователю его визитку.

– Приглашал. Насколько я помню, – он смотрит в папку. – Павел.

– Он самый.

– Присаживайтесь. – Я прохожу в кабинет, все убранство которого состоит из двух столов, двух шкафов и чайника на подоконнике, сажусь на стул перед его столом. – Вы вчера были не в состоянии что-либо мне рассказать. Да и с трудом смогли имя свое назвать. – он садится передо мной и что-то щелкает мышкой в компьютере.

– Да, вчера я бы вам вряд ли что сказал.

– Ну ни чего страшного, я на всякий случай с вашего телефона набрал себе и перезвонил бы вам, если бы вы не появились.

Капитан переносит внимание с компьютера на папку, в которой он смотрел мое имя.

– Насколько мне известно, погибший был вашим другом.

– Да, – отвечаю я, – не только другом, но и коллегой.

– Минутку, завершим формальности. Дайте ваш паспорт.

Он записывает мои паспортные данные.

– Место работы у вас, как и у погибшего?

– Да, «Федеральная юридическая служба». Мы с Костей и работали, и учились вместе.

Капитан фиксирует информацию в протоколе.

– Павел, можете мне рассказать, что происходило вчера?

– После работы, мы с Костей как всегда ехали ко мне домой. Мы любили после работы пару часов провести в компьютере. Он был ярим игроманом, ну и во время учебы привил эту любовь мне. Как всегда вышли на остановке перешли дорогу. – я закрыл глаза, пытаюсь прогнать картинку вчерашнего вечера.

– Не спешите, я понимаю вам не просто все это вспоминать. – Слышу я голос капитана.

Выдохнув, и махнув головой, я продолжил:

– Я сказал ему, что нужно поспешить, чтобы успеть на зеленый перейти дорогу. Через дорогу мы уже добежали, светофор начал моргать когда нам оставалось два ряда до тротуара. Я запрыгнул на тротуар, а Костя почему то остановился на бордюре и замер.

Следователь щелкал клавиатурой, записывая за мной.

– Он так и стоял, а потом поехали машины и он начал падать.

Эмоции опять нахлынули на меня.

– Начал падать и в этот момент его сбил автобус. А потом все как в замедленном кино. Он летит через дорогу, как кукла машет руками и падает под грузовик.

Я снова закрываю глаза и молчу. Слышу, что капитан встал и ходит по кабинету.

– Успокойтесь и выпейте воды. – Я открываю глаза, передо мной стоит кружка с водой. – Помните, сколько было времени?

– Знаете, я пытался сегодня вспомнить, но мозг категорически не хотел выдавать мне эту информацию. Я посмотрел на новостном сайте, там была новость и видео с уличной камеры. Время на ней 17:45.

– Скажите, Павел, когда вы ехали в автобусе, ни чего странного в поведении Константина не заметили?

– Нет, он как всегда был погружен в телефон. Станным было только то, что он замер на бордюре.

Капитан все фиксирует на компьютере.

– Все было как обычно. – Продолжаю я. – Мы вышли с работы в начале шестого, обсудили, какой уровень нас сегодня ждет в игре, пока ждали автобуса. В автобусе тоже все стандартно, как в любой рабочий день. Те же остановки, тот же автобус, те же светофоры.

– Не знаете, Раньше с Константином происходили подобные случаи?

– Такие, что он замирал и не двигался? – Уточняю я, капитан кивает. – Нет, в первый раз такое видел. Знаете, даже на работе, с самыми дотошными клиентами, которые могут спросить о такой ситуации, которая в принципе не произойдет, Костя всегда сразу же находил, что ответить.

– То есть, ни что не ставило его в тупик и не заставляло надолго задумываться?

– Точно!

Капитан сделал несколько кликов мышкой и из-под соседнего стола раздалось журчание принтера.

– В общем, это все, что я хотел от вас узнать. Вам осталось прочитать, что я зафиксировал в протоколе и подписать его.

Он прошел к соседнему столу и принес мне два экземпляра протокола.

– Человек погиб и нам следует выяснить причины произошедшего.

– Это была какая-то чудовищная случайность. – Говорю я, дочитав протокол. – Так, с моих слов записано верно.

Я подписываю бумаги и отдаю их капитану.

– Спасибо, что пришли. – Мы жмем руки и я иду к двери. – Вам снова придется совершить экскурсию по всему этажу, лестница рядом закрыта на ремонт. – Говорит капитан мне в след.

Я закрываю дверь кабинета и передо мной снова длинный, как змея, коридор.

Хорошо, что двери кабинетов открываются внутрь. Иначе, вышедший из одной из них сотрудник, сломал бы мне нос, открыв дверь аккуратно перед моим лицом. А так, он уперся в меня выходя из кабинета.

– Ой простите. – Говорит он и на его лице расплывается улыбка. – Пашка, привет! – он хлопает меня по плечу, это

мой однокурсник из института.

– Макс, здорово! Давненько тебя не видел.

– Да я вот в работе весь, здесь засел, в кабинетах. Ты какими судьбами у нас? – я вижу, как улыбка спадает с его лица. – Ах, точно. Костя. Я в курсе, что ты все видел. Ты от Семенова? – он показывает рукой на коридор, приглашая не стоять на месте.

– Да. Рассказал что видел, так скажем из первых уст.

– Да, никогда бы не подумал, что такое произойдет. – Мы доходим до лестницы. – Слушай, ты вечером сегодня занят?

– Да, думаю не особо, мне на работу сходить, написать бумагу на отгул, а то пока что голова не соображает, от слова совсем.

– Давай тогда встретимся, посидим, ну и произошедшее обсудим.

– Давай! В «Атмосфере» устроит?

– Конечно! Тогда созвонимся.

Мы обменялись с ним телефонами и попрощались.

На улице уже потеплело. День был полной противоположностью вчерашнего. Яркое солнце, мороз минус десять. Вся вода, вылившаяся вчера на город, замерзла и в утренний час пик на улицах был коллапс. Морозы как всегда пришли неожиданно и коммунальные службы оказались не в состоянии вовремя посыпать все улицы солью с песком.

Я достал из кармана пуховика, который одел в этом зимнем сезоне первый раз, телефон, время час дня. Мне оста-

лось доехать до работы, написать заявление на недельку отдыха, обсудить с коллегами произошедшее. В очередной раз все вспомнить, еще сильнее расстроиться и пойти домой.

Я еще раз залез в телефон, следовательно говорил, что звонил с моего телефона на свой номер. Странно. В папке исходящих звонков за вчерашний вечер нет ни одного! Последний раз я вчера звонил еще в рабочее время! Странно, не мог же он перепутать, не та у него профессия.

3

«Атмосфера», одно из самых старых заведений в городе, где можно приятно провести время за бокальчиком и послушать шикарную музыку, обязательно живую и каждый раз разную. В студенческие годы мы любили заглядывать сюда, особенно после сданной сессии.

Я достаю телефон, несколько гудков и я слышу голос Максима в трубке.

– Я займу наш столик в «Атмосфере», надеюсь, ты не забыл какой! – Говорю я ему.

– Обижаешь! Такое не забывается. Буду минут через двадцать.

Мы разъединились, и я зашел в кафе. Полутьма уютной атмосферы зала поглотила меня, звуки блюза расслабляли. Я прошел через весь зал с самый дальний его уголок. Наш столик, где мы любили сидеть с однокурсниками, был свободен.

Изучая меня, я сразу заказал два бренди, чтобы во первых не скучать в ожидании и, во вторых не дать негатив-

ным эмоциям снова меня захлестнуть. За сегодняшний день, который тянулся еще с вчера, так как ночью уснуть мне не удалось, вчерашние события ни разу не оставили меня. А вспомнить и рассказать их, мне уже пришлось несколько раз. Очередной будет сейчас, когда придет Макс.

Пара глотков бренди разлилась по мышцам теплой негой, блюз расслаблял, я поглубже провалился в мягкое кресло, глаза начали закрываться.

– Дружище, надеюсь, ты не успел осушить весь бар этого заведения? – Голос друга вырвал меня объятий морфея. – А то, смотрю, один бокал ты уже приговорил, а второй наготове!

Действительно, я и не заметил, как осушил один бокал бренди.

– Да, прошедшие сутки дают о себе знать. – Откликнулся я. – Этот, кстати тебе. – Я махнул рукой в сторону стола. И попросил официанта повторить мой заказ.

Максим расположился в кресле напротив меня, он уже был не в форме, но в костюме и белой рубашке.

– Ты ни чего не заказывал еще? Помимо выпивки. – Спросил он, открывая меню.

– Нет. Я есть особо не хочу, так что можешь выбрать сам за двоих.

– Хорошо, а то за весь день ни чего кроме конфет не ел. Сплошные юбилеи на работе.

– Ты как-то после выпуска пропал из виду у всех. Стра-

ничка в соц сетях висит, а на сообщения не откликнулся, на встречи не ходил. Да и телефон поменял. Ты прям Штирлиц.

– Да брось ты, мне до Штрилица еще расти и расти. Весь в работе, знаешь сам, дел много, бумажной волокиты еще больше, а людей как всегда не хватает.

– Да, вечная проблема бюджетной сферы. – Мы оба смеемся. К нам подходит официант и принимает заказ.

Во время душевных бесед с друзьями, время летит незаметно. Так и в этот вечер. Мы с Максимом вспоминали институтские годы. То, что было потом. Он рассказал, каких трудов ему стоило устроиться в полицию, куда каждый «папенька» хотел пропихнуть свое чадо, которое в лучшем случае имело представление о том, что ему нужно делать в органах, а в основной своей массе, просто протирало штаны на стуле.

Кадровая проблема, вот что говорил Максим. Хороших сотрудников мало. Да много ребят, кто может работать в патруле или участковыми. Но у них в отделе эта проблема была более чем очевидна. Не просто очевидна, она была огромным бельмом в глазу, не видеть которое мог только слепой.

– Понимаешь. – Говорил он. – Руководство сверху, на уровне региона, требует положительной динамики, снижения числа преступлений, повышения их раскрываемости, иначе, – Он показывает пальцем вверх. – Там, на самом вер-ху, их по головке не погладят, а то еще хуже, снимут с должности. А мы что! Если бы было возможно выпустить в ново-

стях ролик, что преступление это плохо, а все негодяи его посмотрели и покивав головой согласились бы снами и перестали творить, то что делают. Если бы эта утопия работала, было бы шикарно. А пока что, нам приходится пахать, пахать и пахать, как завещал великий Ленин.

– За то, чтобы все стало как в описанной тобой утопии. – Мы улыбаемся и чокаемся.

– Паш, давай поговорим про Костю. – Максим смотрит мне в глаза. – Я понимаю, что тебе тяжело, да и много раз за сегодня ты все это уже вспоминал.

– Я не вспоминал. Это единственное, что крутится у меня в голове вот уже целые сутки.

– Семенов опросил всех задействованных во вчерашней истории. Человек погиб, наша задача разобраться, что это было, преднамеренное убийство или несчастный случай. Так вот, ни один из водителей, ни автобуса, ни грузовика, ни в чем не виновны. По факту. Да, автобус сбил Костю, а грузовик поставил точку в его жизни. Но их показания подтверждаются видео записью. Так что Семенов дело закрывает, так как, по факту трагическое стечение обстоятельств.

– Я и не сомневаюсь. – Соглашаюсь я с Максимом. – Костю ни кто не толкал. Он упал сам, я сам все это видел. Я видел это всю ночь. Вот только из-за чего он остановился на этом гребаном бордюре!

Я бью кулаком по столу с такой силой, что стоящие рядом тарелки подпрыгивают.

– Вот об этом я и хочу с тобой поговорить. Максим пододвигает стул ко мне поближе и достает из кармана блокнот. – Смотри, я изучил этих двух товарищей, водителей, и они на самом деле товарищи. Раньше они работали водителями в одной конторе.

– Думаешь, что они сговорились и неслучайно вчера оказались на одном перекрестке в одно время!

– В этой жизни всего можно ожидать. Слушай дальше. Значит, водитель грузовика. Василий Иванов два года назад проиграл в суде дело, на кругленькую сумму. И догадайся, кто был его поверенным юристом в этом процессе?

– Неужели Костя?

– Бинго. – Максим улыбается. – Он обратился в вашу фирму и Костя вел его дело.

– Подожди. – Я встряхнул головой, чтобы голова начала соображать после алкогольной неги. – Два года назад, как раз мы с Костей прошли срок стажировки, и шеф разрешил нам самостоятельно вести судебные дела. Так что он вполне мог вести дело этого Иванова.

– Ну, вот видишь, как все получается! – Максим наливает еще бренди. – Так что, не смотря на имеющиеся факты, я не могу быть полностью уверенным в том, что это был несчастный случай!

От количества выпитого и от потока новой информации, которая повергла меня в шок, мой мозг пытается потерять связь с реальностью. Я пытаюсь осознать происходящее, пе-

реварить все-то, что говорит мне Максим. Но больше всего меня повергает в шок, то, что он говорит дальше.

– Кто его знает, чего только нет в этом мире. Но посмотрев видео с камеры наблюдения, я сам не представляю, что за чертовщина творилась на той остановке в тот вечер. Но то, что я увидел, по крайней мере, в моей голове, ни укладывается ни в один реальный сценарий происходящего. Так скажем, такого просто физически не может быть.

– Макс я был там, смотрел видео, но понятия не имею, о чем ты говоришь. Что за чертовщина тебе там привиделась?

4

Вот уже в течении тридцати минут я прокручиваю видео, которое скачал с новостного сайта.

Все так же, как и было. Мы с костей перешли дорогу, он стоит, автобус, он летит, грузовик. Ни чего необычного. О чем говорил Макс, я не понимаю. А может, и не вижу.

Точно!

Не вижу. Наверняка камера уличного наблюдения там была не одна. Вероятно, Максим посмотрел те видео, что есть у них, с других камер и с другого ракурса. Хорошо. Мы с ним увидимся вечером, он все покажет.

Я закрываю ноутбук и собираюсь. Нужно сходить на работу, посмотреть, что за дело вел Костя с этим водителем два года назад. Два года, все материалы еще хранятся у нас, значит, там должны быть контакты этого Иванова. Посмотрим.

На улице пролетает первый снег. Первые мелкие снежин-

ки кружат в морозном утреннем воздухе, они понимают, что покрыть землю хотя бы маломальским слоем м снега им не удастся, и тают от первого соприкосновения с землей, хотя лужи уже покрыты льдом. Все-таки календарная зима уже через несколько недель.

На работе, Вика, секретарь встречающий клиентов в фойе, удивлена, увидев меня в дверях.

– Паша, ты же взял отгул. – Она улыбается мне той своей улыбкой, которую «надевает» для встречи клиентов.

– Привет, Вик, нужно кое что посмотреть в архивах.

Я прохожу через фойе и иду по коридору, упирающемуся в дверь директора. Стучу. «Да» раздается из-за двери, не приглашая, а повелевая стучащему войти.

Захожу.

– Андрей Викторович, можно.

– А, Павел, проходи. – Шеф изучает утреннюю подшивку новостей на электронной почте.

Я прохожу. В кабинете как всегда царит педантичный порядок. Все книги и папки в шкафах разложены в точности с соответствующей им последовательности. Папки с годами – по возрастанию от боле давних годов, книги в соответствии с тематикой – Гражданский кодекс и комментарии к нему, примостился на одной полке. И все в таком духе. Ну что сказать, Андрей Викторович настоящий педант-перфекционист в этом деле.

– Ты чего, решил, что на работе будет легче отвлечься от

мыслей?

– Да, в общем-то, нет. Вряд ли я смогу в ближайшее время не думать о случившемся, а уж тем более забыть. Я вот зачем пришел. В связи со всеми событиями, я встретил нашего старого друга, он как раз в полиции работает со следователем, который разбирается со всем произошедшем. Следователь пришел к выводу, что все это был несчастный случай. А вот Максиму, что-то не нравится. Как он мне сказал – он что-то интересное увидел на видео.

– Вот как. Я смотрел видео, что было в новостях в интернете.

– Я его тоже смотрел не один раз, но, ни чего не замечаю. Но вот водители, по трагическому стечению обстоятельств, причастные к смерти Кости, как выясни Максим, были знакомы. А один из них, два года назад был клиентом нашей фирмы. И его дело вел Костя.

– Так. – Шеф откидывается на спинку стула. – Костя выиграл.

– Нет.

– Заговор? Убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Ты к этому клонишь?

– Андрей Викторович, я не знаю пока что, как к этому относится. – Я сделал паузу. – Я хочу ознакомиться с тем делом, что вел Костя.

Минутная пауза. Шеф смотрит на меня не моргая. Я вижу в его глазах огонек. Ему интересно. Значит разрешит.

– Давай сделаем так. Твое заявление на отгул я порву и с сегодняшнего дня все дела, которые были у Константина, передаю тебе. Иди в архив, ищи.

– Спасибо.

Я выхожу из кабинета. Супер! Все Костины дела теперь мои, значит, не будет проблемы в том, что кто-то другой, кроме Кости, узнает конфиденциальную информацию.

Архив, если его так можно было назвать, был за соседней дверью, справа от двери директора. Точнее сказать – это был большой сейф в кабинете секретаря.

– Оля привет. – Вошел я в кабинет, постучав но, не дождавшись ответа.

– О! – Она оторвалась от компьютера. – Привет. Вот печатаю приказ на тебя. Берешь Костины дела. Вчера пришел, отгул взял. Сегодня уже решил вернуться в работу.

– Ну, можно сказать и так. Я в сейф.

– Да, пожалуйста, код ты знаешь. – Отвечает она и продолжает печатать.

Так, вот Костина полка. Два года назад. Иванов, Иванов. Вот он. Я достаю папку и ухожу к себе.

Ребята в кабинете нет. Все работают. Кто ушел в суд на заседание, кто в приемной общается с новыми клиентами. Я сажусь за свой стол, заваленный папками. А стол Кости пуст. Это так тяжело. Видеть пустой стол своего друга.

Смотрю документы по этому Иванову. Раздел наследства, несколько квартир, хорошенькая сумма на банковском сче-

те. А ни чего так дядя у водителя. Только у дяди родных детей нет, с женой в разводе уже давно. А вот родственнички оказались не очень. И Иванову ни чего не удалось отсудить. Всегда найдется тот, кто более «родной», кому положено отдать все.

Эх, это наследство, особенно в больших размерах. Скольких родственников такие дела уже перессорили. Вот жили люди, радовались. В гости ходили, с праздниками друг друга поздравляли. Но стоит кому-то умереть и начинается. В волчьей стае такого нет, а у людей есть.

Ну да ладно. Мне в этом деле не апелляцию писать. Мне нужны контакты Иванова.

Так Иванов Василий Васильевич, адрес и телефон.

Набираю. Считаю гудки в трубке. «Да» раздается в динамике.

– Здравствуйте. Иванов Василий Васильевич?

– Он самый. Вы кто?

– Меня зовут Павел, я хочу с вами поговорить, о том, что произошло позавчера. – Жду, в надежде, что он не бросит трубку.

– Я следователю все рассказал. Если вы из прессы, то мне с вами говорить не о чем. Начитался уже в интернете.

– Нет, я не из прессы. Я друг погибшего. Я был там, но тот вечер не помню. Может быть, вы меня помните. – Опять тишина.

– Хорошо. У меня обед через два часа. Знаете, столовая

рядом с автобазой?

– На Торговом?

– Да, она самая. Я там обедаю, когда не в рейсе. Придете – позвоните.

Он отключился.

Это просто замечательно. Посмотрим, насколько подтвердится гипотеза Максима.

Переписываю адрес и телефон в блокнот. Дверь кабинета открывается медленно, скрепя одной из петель.

– Опять эта петля скрипит. – Михаил Олегович, наш наставник и по совместительству заместитель директора, вернулся из приемной.

– О! Паша, не ожидал тебя сегодня увидеть. – Он кладет кипу бумаг на стол, и снимает галстук.

– Меня сегодня ни кто не ожидал. А я тут.

Мы жмем руки, он садится за стол.

– Сколько лет работаю, столько лет удивляюсь людям. Хотя в моем возрасте уже пора не удивляться. – В его возрасте, это он конечно преувеличивает. Всего-то сорок лет и только-только появились залысины. – Ну вот, что ты думаешь. Девушка, институт закончила, умница, красавица. Даю ей заявление, говорю, прочитайте и подпишите. Что ты думаешь, она ответила?

– Боюсь даже представить.

– Все, говорит, читать! – Он разводит руками. – Нет, ну как так-то. Через букву читай что ли, или только гласные. А

потом, когда показываю где подписывать ставить, спрашивает «от руки подпись писать». Как жить дальше, Паш?

– Не знаю, Михаил Олегович. Такое нынче образование, да и воспитание.

Мне нужно бежать, телефон указывает, что такси уже приехало. Мы жмем руки. На выходе меня окликает Вика.

– Паш, ты пойдешь на похороны Кости?

– Да, я еще не знаю время, но его отец обещал мне позвонить.

– Вот. – Она протягивает конверт. – Мы вчера собрали, передай родителям и венок закажи. Шеф срочно уехал, не успел сам передать.

– Хорошо. – Я беру конверт, такси ждет.

До автобазы ехать минут тридцать. Сегодня снова морозный денек. Для полного ощущения зимы не хватает только снега.

Промышленный районе города, вокруг огромные кубы промышленный и складских зданий с бескрайними полями хозяйственных территорий, чаще всего используемых для стоянки автомобилей сотрудников или хранения старого хлама. Вокруг сотни грузовиков с различными видами прицепов – тентованные, самосвалы, рефрижераторы. Все ждут своей очереди, чтобы разгрузить привезенный груз или забрать с завода купленный товар. В рабочий день здесь настолько многолюдно, что все напоминает муравейник.

Вот и автобаза. Такси останавливается рядом с облезшим

двухэтажным зданием с двумя воротами-проходными, за забором которого слышен рокот дизельных двигателей и всю территорию обволакивает дым из выхлопных труб.

Набираю номер Иванова.

– Вы приехали. – Раздается в трубке.

– Да, я у проходной.

– Вас на территорию не пустят. В столовую есть вход с торца здания. Обойдите справа. Я уже здесь, сижу за столом рядом с вешалками.

Иду в указанном направлении. Обхожу здание. Над входом в столовую висит выцветшая, табличка. Которая раньше была ярко красная, а теперь непонятного грязно-оранжевого цвета. Еще из тех времен, когда были в моде неоновые вывески. Захожу. Найти Иванова оказывается не сложно, так как из трех рядов столов, рядом с вешалками стоит только один. Подхожу.

– Здравствуйте, я Павел. – Протягиваю руку.

В такой морозный день, он единственный на всю столовую, кто сидит в футболке. Все остальные посетители, как и я предпочли утеплиться. По его красному лицу и свистящему дыханию, понятно, что он из тех людей, которым жарко в любое время года. Он жмет мою руку, не поднимая свое грузное тело со стула.

– Василий.

Вешаю пуховик на вешалку и сажусь напротив собеседника.

– Возьмите чего-нибудь, пообедайте. Здесь неплохо готовят.

– Спасибо, я уже пообедал. – У меня на самом деле второй день нет аппетита, так что приходится себя заставлять есть, когда чувствую голод. Но сейчас есть я точно не хочу. В кровь выплеснулся адреналин, кто знает, к чему приведет этот разговор. Вдруг Максим оказался прав.

– Вы хотите снова всполошить мои воспоминания о том вечере?

– Да, не смотря на то, что мне самому особо не хочется все это вспоминать в очередной раз. И так, как глаза закроешь, все повторяется без моего желания.

– Аналогично. – Он отламывает вилкой котлету и отправляет ее в рот.

– Василий, расскажите, как у вас проходил тот рабочий день.

– Как и все остальные. Пришел сюда, получил путевой лист. У меня было два места разгрузки в области, но не далеко. Первая в пятидесяти километрах от города, вторая на обратном пути, даже с учетом того, что нужно было свернуть с дороги в близлежащую деревню. По-хорошему, я должен был вернуться обратно часа в три.

– Но что-то этому помешало?

– Погода была нудная. Висели эти низкие тучи. Спать хотелось как никогда. Грузчики работали как сонные мухи. Меня еще здесь загрузали на полчаса дольше, чем обычно.

Все мы люди, все чувствуем перепады погоды. Особенно такие кардинальные, когда один день дождь, а на следующее утро уже мороз. Так вот, и там везде на разгрузке меня разгружали очень долго. В итоге получилось, что в шестом часу я еще только ехал сюда. Хотя рассчитывал, что уже буду дома.

– То есть вас задержало то, что дольше обычного машину загружали и разгружали?

– Да. Как видите, я задержался часа на два. Глаз наметан, могу прикинуть, сколько примерно времени на рейс мне понадобится.

– А когда ехали по городу, все было в порядке?

– Ну а как еще. Кто меня сдвинет с места. Легковушки шмыгают туда-сюда под колесами, а я еду в своем ряду и ни куда не сворачиваю.

– Как вы видели всю происходящую ситуацию в тот момент.

– Когда этот парень прилетел мне под колеса?

– Да.

– Ну как. Я из далека, видел светофор, на нем горел красный. Катился себе на передаче, чтобы, не останавливаться совсем. Загорелся зеленый, я поддал газку. Потом все произошло очень быстро. Секунда, а то и меньше. Вижу, что-то летит с противоположной стороны. Я бросаю газ и резко бью по тормозам. Хорошо, что сзади ни кого не было, а то собрал бы целый ряд под себя. Летящий падает прямо передо мной,

я только успеваю заметить, что это человек, и он скрывается под машиной. Еще несколько метров и я остановился.

– Скорость у вас была небольшая?

– Километров сорок, не больше. Иначе я так быстро не остановился. Но и этого хватило. – Он допивает чай.

– Василий, я совсем не помню, что там происходило после. В моей памяти есть только момент, что кто-то меня отводит на скамейку на остановке. И все. Темнота.

– Что было. Крики, шум. Минут через пять приехала скорая, за ними полиция. Все оцепили, улицу перекрыли полностью. Опросили меня, водителя того автобуса, очевидцев. Следователь попросил меня явиться к нему на следующее утро.

– Семенов?

– Да, капитан Семенов.

– Знакомых ни кого там не встретили? – Иванов впился в меня взглядом.

– По трагическому стечению обстоятельств, встретил. Андреич, то есть Кирилл Синицын, был за рулем автобуса, который сбил того парня. Мы с ним по молодости работали на дальнее. Потом он уволился и мы больше не пересекались.

– До того вечера?

Повисло молчание. Я смотрел на Иванова, он на меня. По его взгляду, было видно, что ему есть что сказать, но говорить этого он не хочет.

– Да. До того вечера.

– Давно вы работали дальнобойщиками?

– Я два года назад с этим завязал, здоровье не позволяет работать в таком графике. С тех пор вот, катаюсь тут рядышком. Гораздо проще день отработать, а ночь спокойно спать в своей кровати.

– Значит, в тот вечер, вы встретились со своим другом, с которым не один год работали так сказать в одной команде, в одной кабине, за одним рулем, впервые за несколько лет.

– Да. С того момента как он уволился, мы не встречались. И если ты считаешь, что мы в чем-то тут замешаны, то проваливай отсюда. – Он стукнул кулаком по столу.

Я встал и начал одеваться.

– Знаете, Василий. Погибший под колесами вашей машины, был моим другом, с которым мы вместе учились и работали. Если вас чем то задел мой вопрос, то не ищите в нем скрытых подтекстов. Я просто хочу восстановить в своей памяти все, что произошло в тот вечер, в особенности то, чего я не помню.

Иванов достал из стоявшей на соседнем стуле бумажку и что-то на ней написал. Потом протянул мне.

– Если уж так, то вот телефон Синицына. Спроси у него сам.

Я взял протянутую мне бумажку, попрощался и ушел.

Я лежал на диване. Пытался закрыть глаза и хоть как-то погрузиться в сон. Но воспоминания вновь и вновь одолева-

ли меня. Я открыл глаза, на самом кончике носа сидела мошка. Откуда ты тут взялась. Что ты делаешь в этот зловещий для тебя период и зачем прилетела ко мне. Мне стоит только махнуть рукой и от тебя останется мокрое место, или я открою окно, и хлынувший морозный воздух в одну секунду сделает из тебя ледышку.

Надо перебрать фрукты на кухне, а то скоро к ней присоединятся собраты.

Звонок в дверь заставил меня подняться и разогнать все мысли.

Это был Максим.

– Привет. – Он протянул мне бутылку коньяка. – Давай разливай, я жутко замерз.

Он раздевался в коридоре, а я пошел на кухню, доставать посуду.

– Учти, из закуски у меня только яблоки и пара бананов.

– Ты лучше доставай компьютер. – Ответил он мне, входя в кухню.

Я сходил в комнату за ноутбуком.

– Похороны Кости послезавтра в одиннадцать часов. Родителям будет приятно видеть его друзей. Ты же их знаешь, они всегда были рады его друзьям, даже если мы просто заглядывали за ним, чтобы разбудить в институт. Не помню ни одного раза, чтобы Виктория Николаевна не предложила нам хотя бы чаю.

– Чай был самой малостью, она всегда была готова нас на-

кормить до отвала. – Максим вставлял в компьютер принесенную флешку. – Вот смотри, это видео, то же что и в новостях, с камеры уличного наблюдения.

Он запустил файл. На экране снова проносились картинки того вечера. Вот мы с Костей переходим дорогу, вот он падает. Я зажмуриваюсь.

– Паш, давай-ка выпьем, и немного расслабимся. – Мы пьем не чокаясь. – Так вот, это видео ты видел в интернете. Снято на камеру уличного видео наблюдения, установленную интернет провайдером. А вот здесь. – Максим открывает следующий файл. – Видео с камеры, висящей над входом в магазин, который был у тебя за спиной. Здесь совсем другой ракурс и происходящее смотрится по-другому.

Если первое видео снято сверху и охватывает всю дорогу, с тротуарами. То на этом видео только тротуар и первая полоса проезжей части. В отсветах от витрин и знаков видно, что на светофоре для машин горит красный. Вот на тротуаре появляюсь я. Вот Костя останавливается на бордюре. Светофор меняет цвет, сначала вместе с красным загорается желтый, потом на одно мгновение как будто горят все три цвета, и остается один зеленый. Перед камерой кто-то проходит, заслоняя меня из вида. Костя начинает падать. Машина, стоящая на светофоре в этот момент уже уехала и в кадре появляется автобус, который неумолимо приближается к падающему Косте.

Видео останавливается. Черный экран. Тишина. Максим

первый ее нарушает.

– Заметил?

Я не понимаю, о чем он говорит.

– Объясни поподробнее, о чем ты!

– Вот смотри, – и включает второе видео, – этот парень. –

Он показывает на появившегося в кадре человека, который закрыл меня от камеры. – Смотри внимательно, ты появляешься и поворачиваешься лицом к дороге. Соответственно ты его не видишь! Вот Костя. – Максим нажимает на паузу.

На экране Костя стоит на бордюре, а этот парень поворачивается к нему лицом. Максим на секунду включает видео и снова пауза. Парень делает еле заметное движение рукой в сторону Кости. Снова запущено видео. На светофоре горит зеленый, Костя начинает падать.

– Он что-то махнул рукой и посмотрел на Костю. Ты об этом.

– И об этом тоже. – Максим открывает первый файл, с камеры уличного наблюдения. – Теперь смотри здесь.

Он запускает видео. Мы с Костей перебегаем дорогу и в этот момент Максим нажимает паузу.

– Вот здесь, – он тычет пальцем в экран. – Из-за автобуса кто появляется?

Я смотрю на экран и не могу поверить своим глазам.

Та же желтая куртка, тот же цвет обуви, хоть на видео и не разобрать ботинки это или кроссовки, но в красной обуви на видео нет больше ни кого.

Максим включает видео, человек на той стороне дороги, смотрит на нас, перебегающих через проезжую часть и, соответственно на того типа, что здесь, на тротуаре за моей спиной, что-то махнул в сторону Кости. Он ждет, когда подъедет следующий автобус и скрывается за ним.

– Ты думаешь, что это один и тот же человек? – Я смотрю на Максима.

– Все может быть. – Отвечает он. – По крайней мере, тот, кто стоит на той стороне, дорогу не переходит, а тот, кто здесь на тротуаре, уходит из кадра и точно не в сторону дороги.

– И это две разные камеры, двух разных фирм, записывающие видео на разные хранилища.

Я молчу. Я в шоке от увиденного. Это какой-то сюрреализм! Допустим, может быть два одинаково одетых человека. Но так что они встречаются в одном месте при очень неприятных обстоятельствах. Мой мозг не верит в это и пытается закрыться от этой информации.

– Паш, в тот момент, когда Костя стоит на бордюре, эти двое смотрят в его сторону. И один из них делает какое-то движение рукой. Какими бы непонятными и странными были их действия, это все записано на видео и я ни чего не придумываю.

– Нам нужно в этом разобраться. – заканчиваю я фразу Максима.

Он еще несколько раз запускает видео по очереди. Не мо-

жет быть ни каких сомнений, это два разных человека. Только оказавшихся в этом месте не случайно. Не представляю, кто и что мог задумать против Кости. Но Максим снова представляет информацию, указывающую на то, что смерть Кости – это не случайность.

– Паш, подумай сам. Водитель грузовика и водитель автобуса знакомы. Эти двое, неспроста в одной одежде. Хотели что-то скрыть. Знали, об одной камере, той, что сверху. Видео с нее можно смотреть он-лайн в интернет. Они знали, что эта камера не захватывает ту часть тротуара у тебя за спиной. А вот о камере над входом в магазин они не в курсе.

– Есть возможность найти этих двух по видео?

– Буду разговаривать с Семеновым. Он, конечно, не будет рад, но попробовать надо. Уж как-то тут все странно переплетается.

– Кстати, я сегодня поговорил с Ивановым, водителем грузовика. Он утверждает, что все произошедшее трагическое стечение обстоятельств. Сидел, рассказывал, что раньше работал вместе с водителем автобуса.

– Синицы, если не ошибаюсь.

– Да. После его увольнения, мол, с ним больше и не встречались. Но я чувствую, что он сто-то скрывает. Он смотрел на меня так, как будто хотел врезать мне, за то, что я ворошу что-то личное, то, чего не знает ни кто кроме него и, вероятно, этого Синицына. Иванов дал мне его телефон. Завтра созвонюсь, пообщаюсь с ним.

– Как договоришься о встрече, позвони мне. Пойдем вместе. – Максим встает из-за стола. – Все, пойду. Надо хоть немного поспать перед работой.

Мы с Максимом прощаемся. Он уходит в морозную ночь, завтра очередной рабочий день, похоже, снова насыщенный непонятными обстоятельствами, которые выплывают из этих видео, запечатлевших, казалось бы, несчастный случай.

Мой взгляд падает на всящую, на крючке в коридоре осеннюю куртку. Ту, в которой я был в тот вечер. Я ведь даже не помню, сам я пришел в тот вечер домой или меня кто-то привел. А на следующее утро я уже одел зимний пуховик, так как ударил мороз.

Нужно убрать в шкаф. Снимаю куртку с крючка, она ударяется о дверку. Именно ударяется, но чем. Я ни чего не ношу в карманах. Рука лезет в карман. Телефон. Но, мой телефон на кухне. Иду туда, держа этот аппарат в руке. Вот, мой лежит на столе. И тут я понимаю, это телефон Кости. Когда мы побежали через дорогу, он убрал его, но случайно положил в карман мне.

Аппарат сел. Конечно, столько времени пролежать забытым в кармане. Нынешние телефоны не способны провести суток без подзарядки.

5

- Коровин, слушаю. – Раздается в трубке голос Максима.
- Макс, привет. Это Паша.
- А, привет. Машинально ответил, не посмотрев на но-

мер.

– Созвонился я с этим Синицыным. Он не против встретиться, только в свете всех событий, он взял отпуск и уехал в деревню. Ты хотел со мной к нему отправиться. Поедешь?

– Что за деревня?

– Сазоновка. Навигатор до нее сто пятьдесят километров показывает.

– Я с Семеновым переговорю и перезвоню. Ты во сколько собираешься ехать?

– Да я хоть сейчас. Жду твоего звонка.

Через пару минут телефон звонит. Максим.

– Да. – Отвечаю я.

– Подъезжай к отделу в два часа.

– Хорошо.

В два часа, я стою напротив отдела полиции. Минут через десять Максим выходит из здания и достает телефон. Порывшись в нем, подносит трубку к уху и поднимет голову. Я машу ему из машины. Он снова нажимает телефон и убирает его, на моем аппарате раздается только один сигнал входящего вызова.

– Привет. Звоню тебе, я же не спросил на чем ты. – Он открывает дверь и садится в правое кресло.

Я завожу мотор, на лобовое стекло падают легкие снежинки, такие четкие и узорчатые, что можно залюбоваться. Но на это нет времени и дворник безжалостно смахивает их со

стекла.

Мы трогаемся.

– Ох, как Семенов недоволен. – Максим улыбается. – Он уже хотел закрывать дело как несчастный случай. А тут я со своими предположениями. Еле уговорил его еще недельку подождать.

Максим достает из портфеля фотографии.

– Вот, один из тех двух товарищей в желтых куртках. То-го, что скрылся за автобусом опознать не удалось. При приближении картинки лица не разобрать. А этот хорошо получился.

Я смотрю фотографии, пока мы стоим на светофоре. Парень, лет двадцати. Лица не узнаю. Не мудрено. Он был у меня за спиной, и я его не видел вообще. Вот сейчас и познакомились. Здравствуй непонятный герой все этой трагической истории.

– И кто это? – Возвращаю фотографии и включаю передачу.

– Глеб Иванов.

– Что, опять Иванов?

– Однофамилец, я проверил. А то бы было совеем весело, если бы он было родственником водителя.

Мы выезжаем за город, впереди полторы сотни километров, вокруг коричневые поля, местами припорошенные вымороженным инеем. Снег усиливается, дворники уже работают постоянно. Максим снимает куртку, кладет ее вместе с

портфелем на заднее сиденье. Замечаю на поясе кобуру.

– Ты что взял с собою пистолет! Едем раскрывать громкое убийство, или разгонять кровожадную банду?

– Утром были стрельбы. Комиссия приезжала, проверяли куда мы попадем бандиту, в случае перестрелки. – Максим улыбается. – Не успел сдать. Кстати, чего радио не включаешь.

– Не хочется. Последнее время привык ездить в тишине.

– А я бы послушал музыку. – Максим нажимает ON и из динамиков раздаются рифы Rolling Stones

Под музыкальное сопровождение, мой Хендай прокладывает себе путь сквозь свежее выпавший снег, который уже покрывает дорогу и потихоньку превращается в метель. Впереди нависают низкие снеговые тучи. Мгла ждет нас впереди и где-то в ней водитель автобуса Синицын.

– Знаешь, вчера нашел у себя Костин телефон.

– Вот так. – Максим не скрывает удивления. – Целый?

– Да, видно он его случайно положил в мой карман. Я когда был у Семенова, он сказал, что набрал с моего телефона себе. Я потом весь телефон перерыл, но не нашел ни где этого звонка и, соответственно, его номера в моем телефоне. Сегодня включил Костин телефон и вот, пожалуйста, исходящий на номер Семенова. Он же не знал, что это телефон погибшего, а не мой, когда доставал его из кармана моей куртки.

– Ни чего там интересного не нашел больше.

– Телефон как телефон. Те же приложения, соц. сети, банк, всякие кэшбэк сервисы, ну и куча игрушек.

– Он всегда любил поиграть, особенно на скучной паре. – Мы смеемся. – Не открывал его профили в соц. сетях?

– Нет, не стал.

Метель усилилась так, что дорогу впереди было видно метров на десять. Ехать быстрее пятидесяти километров в час не представлялось возможным.

– Похоже, наша сегодняшняя поездка может закончиться завтра. – Максим присвистнул, глядя в окно. – О как замечает. Так поздно снег еще ни разу не выпадал.

– Видно в этом году небесная канцелярия решила за один день нас засыпать снегом на всю зиму вперед.

Вместо полутора часов мы добирались до этой Сазоновки, целых три. Я набрал номер Сеницына, чтобы узнать, как найти его дом в этой непроглядной метели. На всей аппаратуре погас интернет, а у Максима даже сотовая связь пропала. Видно эта метель уже что-то напортила.

– Не ожидал, что вы в такую погоду приедете. – Ответил Сеницын. – Вы свернули с дороги?

– Да.

– Знак деревни проехали?

– Нет, знака мы пока не видели, если сейчас его вообще удастся разглядеть.

– После знака, метров через сто, по обе стороны вдоль дороги начнется забор, деревенька у нас маленькая, два ряда

домов. Едите вдоль забора, мой дом самый последний с правой стороны. Не заблудитесь. Если получится, так что заборы закончатся, то и дорога закончится. Вернетесь назад.

Мы поехали вперед. Свет фар не помогал, он отражался от снега и, казалось, что впереди стоит стена. Но вот, наконец, белый фон деревни. Мы не заблудились, едем правильно. Забор. Двигаемся потихоньку. В этой метели ни чего кроме забора не видно. Ощущение, что это не деревня, а просто дорожные службы решили огородить дорогу забором. Минут через пять забор заканчивается, я останавливаюсь.

– Он сказал, его дом последний. Значит мы на месте. Как думаешь, не въедут в нас, если мы машину оставим тут. У меня уже глаза устали всматриваться в эту метель.

– В такую погоду даже самый больной псих, нос на улицу не высунет.

– А мы высунули.

Мы одеваемся и выходим из машины. Снег нещадно лупит по лицу, смотреть вперед просто невозможно. Солнце уже село и помимо мглы, созданной метелью, наступила ночь. Сквозь пелену виднеется свет из окон. Вижу, что в одном из окон загорается мощный фонарь, его луч падает нам под ноги и двигается в сторону дома. Синицы заметил нас сквозь метель и указывает нам путь к двери. Не мудрено, что у него такой мощный фонарь. Тут, наверное, в каждом доме охотник, деревня на самом отшибе, дальше лес.

Идем к дому.

Луч возвращается к нам, пробегает по мне, потом по Максиму, идущему сзади и гаснет. Вероятно, хозяин пошел к двери, чтобы впустить нас. Свет в остальных окнах тоже начинает гаснуть. На аварийное отключение электросети не похоже, окна гаснут по очереди. И вот мы снова окутаны мглой. Все что у нас есть, это фонарики в телефонах и те нужно еще достать.

– Не нравится мне это. – Говорит Максим, я вижу, как он интуитивно нащупывает кобуру на поясе.

Вдруг раздается грохот выстрела, на нас летят щепки от двери.

– Ложись! – Слышу я голос Максима, и в этот момент что-то налетает на меня и валит меня с ног.

Лежу в снегу, метель намела уже неплохие сугробы. Вижу рядом с собой след. Это был человек.

– Жив? – Максим склоняется надо мной.

– Да.

– Похоже, это был Синицын. Я за ним, а ты иди в дом.

– Я с тобой. – Хватаю Максима за рукав, когда он встает.

– Нет. Он вооружен, я не могу тобой рисковать!

Максим скрывается в снежной пелене.

Я встаю и иду в сторону дома. Упираюсь в оставшийся дверной косяк. Темнота. Нащупываю рукой выключатель. Электричество в порядке, сени наполняются светом. Что могло так напугать человека, что он начал стрелять в человека с кем договорился о встрече.

Рядом с дверью лежит ружье, из него хозяин дома стрелял в нас через дверь. Одна из половиц под лавкой откинута в сторону. Заглядываю. Это его оружейный сейф, в котором лежит еще пара охотничьих ружей. Рядом лежит фонарь, которым хозяин дома указывал нам путь.

Во мгле за спиной раздается пара выстрелов, первый более грузный, от ружья, второй от пистолета. Максим!

Хватаю ружье, фонарь и вперед. Нужно спешить, пока следы еще видны на снегу.

Хорошо, что я нашел фонарь. Без него бы было туго. Я и так передвигаюсь, согнувшись пополам, чтобы разглядеть следы. Метель лупит снежным зарядом, сколько времени уже идет этот снег!

Передо мной тропинка из двух пар еле видимых следов, она уходит немного влево. Я не успеваю среагировать, нога проваливается в пустоту, я падаю, качусь вниз, снег засыпается за шиворот. Слышу еще один выстрел, пистолетный, Максим жив. Но мне нужно его еще найти.

Пытаюсь выбраться из ямы, дыхание сбилось. Следы, только бы их было еще видно.

Продвигаюсь дальше. Появляются первые стволы деревьев. Лес. Теперь нужно быть более осторожным, чтобы не влететь макушкой в дерево, пока высматриваешь под ногами следы.

Все глубже в лес. Среди деревьев метель становится немного слабее, луч фонаря начинает светить подальше.

Макс, кричу я в темноту. Тишина. Нужно идти. Снег, он везде, он под курткой, он в обуви. Тяжело дышу. Вдруг слышу крик и снова выстрелы. Из пистолета и из ружья. Это второй выстрел из ружья. Значит, у Синицына закончились патроны, в доме были только двуствольные ружья. Значит или он остался безоружен, или ему нужно время, чтобы перезарядиться.

Слышу звуки борьбы. Всплеск воды.

– Максим! – Снова кричу в темноту, в ответ тишина.

Иду вперед. Вытоптанная поляна, что-то темное на снегу. Кровь!

Максим, где ты. Осматриваю вокруг, фонарь выхватывает только снег и стволы деревьев. Ни кого. Вот блеснула вода и к ней тянется кровавый след. Не отдельные капли, а сплошная полоска крови. Дохожу до реки. Тишина. Поток воды слишком быстрый. Если в нее кто-то упал, то его уже наверняка унесло далеко от сюда. Луч фонаря блуждает по поверхности воды, надеюсь на лучшее. Тишина, только вода журчит под ногами. Максим! Нет. Не может такого быть, чтобы я за несколько дней потерял двух друзей.

– А-А-А-А. – Раздается за сугробом.

Свечу фонарем, что-то поднимается вверх. Что это?

Рука!

Бегу. Максим, держится за торчащие из берега корни.

Я забыл про все, усталость, метель, снег. Все это отошло на второй план. Максим. Надо его вытаскивать. Встаю на ко-

лени. Я даже не думаю о том, что снег подо мной может обрушиться и тогда мы оба упадем в воду, и ни кто нас не спасет. Хватаю Максима за руку, он отпускает корни и второй рукой вцепляется в мою куртку.

– Тащи. – Выдыхает он.

Кое-как затаскиваю его на берег. Валюсь рядом с ним в снег. Лежим. Огонь раздирает легкие, сердце готово вырваться из груди. Тело бьет дрожь, в голове, под аккомпанемент бешено пульсирующей крови проносятся картины произошедшего. Мозг пытается понять, что это было – реальность или сон.

Голые ветви деревьев, нависшие над нами похожи на кости. Кости той старухи с косой, что хотела забрать нас к себе. Не сегодня, старая. Не сегодня!

Кое-как мы добрались до дома Сеницына. Метель стихала. По снегу было тяжело идти. Нас трясло и от холода и от нервного напряжения. Фонарь нас спас. Без него мы бы не вышли из леса. Голова не хотела соображать, мы шли только за светом фонаря.

Зайдя в дом, мы сразу скинули с себя все мокрое. В доме тепло. Нужно как можно быстрее согреться, особенно Максиму, он был в холодной воде. Кухня, плита, чайник. Максим переворачивает все в шкафах.

– Ты чего?

– У него наверняка есть чем согреться, хотя бы самогон.

Вот он.

Максим достает трехлитровую банку с мутной белой жидкостью. Запах самогона ни с чем не перепутаешь. Пара глотков и по телу бежит волна тепла. После пережитого стресса и без закуски, организм резко расслабляется, голова начинает идти кругом. Хорошо, что стул со спинкой, иначе я бы упал на пол.

– Макс, это какой-то трэш! – Я смотрю на него и замечаю рану на руке. – Он в тебя попал?

– Нет, напоролся на сук когда бежал. Его первый выстрел ударил в дерево сантиметрах в десяти от меня. Еще бы чуть-чуть и мы с тобой сейчас здесь не сидели.

– Учítывая то, что ты провалился в реку, это было не единственным возможным вариантом смерти. Расскажи, что происходило.

Я бы хотел повернуться лицом к Максиму, но сил на это нет. У него, видно тоже, он сидит, откинувшись на спинку стула, и смотрит на стакан самогона, стоящий перед ним.

– Хорошо, что я побежал за ним сразу. Иначе в темноте просто не разобрал бы занесенные следы. Ты-то шел с фонарем, тебе было виднее.

– Ни черта не видно было, луч светил метра на три вперед. Да еще и адреналин.

– Когда я оказался в лесу, то решил выстрелить, думаю, может, испугается что у меня оружие и остановится. Выстрелил в воздух. В ответ, пуля прилетела почти в меня. Тогда

я, не раздумывая, выстрелил в сторону, откуда раздался его выстрел. И побежал. Я слышал его дыхание. Деревья мелькали перед глазами, летящий снег делал их похожими на призраков. Я только успевал уворачиваться от них, но на один сучек все-таки напоролся. Мне было не до крови, которая потекла по куртке, хотя боль пронзала всю руку и пыталась сковать движения.

Он допил стакан и продолжил.

– Я уже видел спину Синицына. Снова выстрелил в воздух и, собрав оставшиеся силы, сделал рывок в его сторону. Когда я накинулся на него, он по инерции нажал на спусковой крючок, гром выстрела оглушил меня, пуля попала ему в ступню. Мы повалились на землю. Мне казалось, что он не почувствовал боли от раны. Он с такой силой вцепился мне в горло, что у меня перехватило дыхание. Я ткнул стволом пистолета ему между ребер, он ослабил хватку. Так в борьбе, мы постепенно оказались у воды и снег под нами провалился. Я успел схватиться за торчащие корни, а он ушел под воду и я его больше не видел.

Значит, Синицын ранил себя, вот откуда след крови на снегу. Единственное, что не укладывалось у меня в мозгу, это след на снегу. Максим говорит, что они боролись и докатились до воды. Тогда почему след в снегу такой узкий.

Но зачем он сделал все это? Зачем стрелял в нас? Зачем убегал? В конечном итоге все его действия привели к его смерти. Второй смерти за прошедшие дни, которая произо-

шла в моем присутствии.

Столько вопросов, на которые нет ответа.

6

Очередная бессонная ночь. В доме был телефон. Максим сначала позвонил Семенову, обрадовать его лихим поворотом всей этой истории. Потом мы вызвали полицию и всю ночь провели здесь, рассказывая о произошедшем.

Часа в два ночи приехал Семенов.

– Вы совсем охренели! – кричал он на нас, расхаживая по комнате как лев в клетке. – Это был всего-навсего несчастный случай. А вы что за цирк устроили. Погоня, перестрелка. Докажи теперь – он указывает пальцем на Максима, – что не ты его убил и сбросил в реку.

– Олег Викторович. – я пробую вклиниться в его речь, чтобы защитить друга.

– Помолчи. – обрывает он меня. – Того и гляди, что ему понадобится адвокат, более компетентный чем ты. Коровин, ты хоть сам понимаешь, во что вляпался. Этим делом займутся даже не эти ребята из районного отдела. По твою душу придут из собственной безопасности. Весь отдел на уши поставят. Нет, я тоже молодец. Отпустить в служебное время. Побеседовать с человеком, которого я уже опросил.

Семенов подходит к окну, вглядывается в ночь. В отражении вижу, что он смотрит не в окно, а на него. Точнее на наши с Максимом отражения в окне.

– Пистолет. Ты почему его не сдал. Ты что, поехал на за-

дание, где требовалось оружие. Коровин, вот ты мужик-то умный, вопросов к тебе по службе нет ни каких. Но иногда, это что-то с чем-то. Как ребенок. Да ладно бы все было так просто, как в детских играх. Но нет. Он не сдал оружие. Взял отгул по семейным обстоятельствам. И на тебе. При нем табельное оружие и труп, точнее его отсутствие. Доказывай теперь, что он на тебя напал и смерть стечение обстоятельств. А не ты его подстрелил и утопил.

Отсутствие трупа Синицына, в самом деле, было не в пользу Максима. Я как свидетель, не видел ни борьбы, ни падения в реку. Только слышал выстрелы и звуки. А Максим был с ним один на один, ночью в лесу во время метели. Скверно все это.

В пять утра мы смогли поехать домой. Сегодня похороны Кости. Мне нужно быть обязательно. Максим на них точно не попадет. Обратная дорога прошла в тишине. Разговаривать о чем-то постороннем, не было ни какого желания, а о произошедшем за ночь, было уже столько сказано и написано, что снова поднимать эту тему, ни кто из нас не стал.

От вечерней метели не осталось и следа, кроме наметенного снега. Небо было чистым. Над нами в предутреннем небе висела большая медведица. Редко я видел ее в этом утреннем ракурсе, вверх ногами, непривычно.

Я завез Максима домой и поехал к себе, солнце начинало озарять горизонт, надо переодеться и подготовиться к траурной церемонии.

Я шел к церкви. Легкий мороз кусал щеки, солнце светило так ярко, что отражаясь от снега, слепило и сверху, и снизу, казалось, что весь воздух заполнен солнечным светом. Под ногами, в воде, хрустел новомодный реагент, пришедший на смену старой доброй песко-соляной смеси и казавшийся такой панацеей ото льда и грязи, которая образовывалась песком, после того как соль растопит снег со льдом.

Реагент, конечно, грязи делал поменьше, но после него дорога становилась мокрой, что со временем, приводило к ее новому обледенению. Дорожные службы не выполняли всех необходимых процедур по очистке дорог от снега и льда. Ведь этот реагент необходимо было сметать с дороги вместе с образовавшейся снежной кашей, в которую он превращает лед, еще до того как все это превратиться в воду, чтобы снова замерзнуть. Так же и с песком. Насыпали, снег и лед начали таять, сметайте это все и дорога всегда будет сухой и чистой. Сухой асфальт не покроется коркой льда.

Я вошел в церковь. Отпевание уже началось.

Гроб с телом Кости был закрыт. Что от него осталось после встречи с грузовиком. Бедные родители, они даже не увидели своего ребенка в последний раз. Хотя, видеть то, что осталось от твоего ребенка. На сколько нужна эта трагедия для сердца матери, итак потерявшей смысл своей жизни.

На Костиной маме не было лица, всю траурную церемонию она ревела стоя на коленях рядом с гробом.

Отец Кости держался стойко. Увидев меня, он подошел, положил руку мне на плечо и сказал «Спасибо, что пришел. Ты последний, кто видел его живым». В этих словах я услышал всю ту боль, что он испытывал, но не проронил ни одной слезы. Он был сильный человек. Костя рассказывал, что отец прошел Афганскую войну, был несколько раз ранен, но покинул Афганистан только когда наша армия уходила оттуда.

Проводить Костю в последний путь мы отправились на двух автобусах, родственников у него было много. Дяди, тети, двоюродные и троюродные братья с сестрами, племянники. А вот родных братьев и сестер не было. Костя был один у родителей. И я понимал все то горе, что испытывали его родители, провожая единственного сына в последний путь.

Когда могилу закопали, все присутствующие бросили по горсти земли, отдавая последнюю дань памяти, погребенному, Костин отец удержал меня за рукав, чтобы я не пошел вместе со всеми в автобус.

– Ты был его единственным другом. Надеюсь, ты станешь частым гостем в нашем доме.

– Обязательно.

Мы стояли вдвоем с ним у кургана свежей земли, покрытым траурными венками, над которыми возвышался деревянный крест, указывающий, кто под ним покоится.

В этот момент я увидел единственную, первую за все время, слезу на щеке Костиного отца. Эта слеза являла собой всю ту боль, которую он испытывал, но не показывал внеш-

нему миру. Ни кто не видел и не чувствовал его боли, той которая уже три дня жила в нем и останется с ним навсегда.

Он бросил горсть земли на могилу сына, сказал «Спи с миром» и мы пошли к автобусу.

Домой я вернулся уже когда было темно, как рано все-таки темнеет на зимнем времени. Свет включил только в коридоре. Быстро помыл руки, переоделся и завалился на диван. Мыслей в голове, не было ни каких, и ни каких сил делать что-либо. Все силы и эмоции были оставлены там, на траурных поминках по моему погибшему другу.

На полке рядом с телевизором что-то светилось. Странно, светящихся в темноте предметов у меня нет. Пришлось встать. Цифры на экране показывали 17:45. Это же телефон Кости, я про него забыл. Взял и снова лег на диван.

Конечно, интересно посмотреть, что у него в телефоне. Пересмотреть его фотографии, приложения, социальные сети. С одной стороны это неприлично, копаться в чужой частной жизни. А с другой, Костя погиб, а на телефоне осталась память о нем. И к тому же фотографии, может там есть что-то, что будет приятно видеть его родителям.

Время на экране сменилось, минут прошла. Кстати, 17:45, это как раз то время, во сколько все произошло.

Решено, смотрю. Включаю телефон. Галерея. Фотографии. Вот рабочие будни, день рождения директора, фотографии рабочих документов, Костя с мамой, летний отдых.

Нужно будет все скинуть на флешку и отдать родителям. А может отдать телефон?

Нет. Телефон я пока что не отдам. Внутренний голос подсказывает мне, что в нем есть какая-то тайна, может что-то связанное с тем вечером. Так, нужно вспомнить.

Мы ехали в автобусе, Костя что-то читал в телефоне, он не обращал внимания на происходящее вокруг и мне отвечал, не отрывая взгляда экрана. Что он читал?

Закрываю глаза, пытаюсь вспомнить. Воспоминания встают передо мной. Светофор, дорога. Нет, назад, раньше, еще в автобусе. Лужа, проталкиваемся через людей к выходу из автобуса. Вот, мы сидим, краем глаза вижу картинку, цветную. Под ней текст. Обращаюсь к нему «Та опять завис в сети», мой взгляд падает на экран – красный, желтый, зеленый. Три цветных пятна на размытом фоне и под картинкой текст.

Инстаграм. Только в этой сети такой формат постов.

Открываю на телефоне, лента обновляется. За эти дни появилось такое количество новых фотографий. Что ж, полистаем. Двигаю пальцем по экрану, перед глазами мелькают фотографии, на некоторых замечаю знакомые лица, аккаунты коллег с работы, на других реклама, вот пост про компьютерные игры, вот юридические новости. Чего только здесь не встретишь.

Листаю уже минут пять, рука устала от монотонного движения.

Стоп! Вот она, картинка из памяти. Три цвета – красный,

желтый и зеленый. Почитаем что под ней, Костя читал, не отрываясь, может, что-то важное.

Пост набрал уже пять тысяч лайков, аккаунт популярный. Текст оказался в стихах, вероятно, его ведет какой-то поэт или просто любитель литературы, под ником – roet_in_black.

Я перечитал текст несколько раз. От осознания, прочитанного, у меня волосы встали дыбом. Еще и обстановка вокруг, темнота в комнате и лишь тусклый свет экрана телефона, один на всю квартиру. Кто! Кто мог такое написать?

Стихотворенье, последнее, что прочитал Костя в своей жизни, называлось «Три цвета» и вот о чем оно:

*Тремя цветами нашу жизнь измерив,
Иди – зеленый, красный – стой, а желтый – жди.
Они считали, в этом можешь быть уверен,
Что смогут жизнь твою спасти.*

*Но все изменит лишь момент, мгновенье.
Три цвета призванных спасать, убьют.
И замерев, ты как скульптура Возрожденья.
Лишишься жизни!
Падай ниц!
Лети!*

Этого не может быть. Три цвета, красный, желтый, зеленый. Мгновенье.

Костя замер на бордюре как раз когда эти три цвета, на одно мгновение загорелись на светофоре. И после этого. Лишишься жизни. Падай. Лети.

Так открыть аккаунт. Кто ты неизвестный автор. Все посты на его странице сопровождаются стихами. Графоман любитель?

Читаю несколько стихов. Везде присутствует смерть. Все картинки яркие, запоминающиеся. Но на всех размыт задний фон.

Нет, этого не может быть. Кто-то предсказывает смерть? Ясновидящий или психопат? Я не хочу в это верить, кто-нибудь, скажите мне, что все это чистое совпадение. Эта картинка, этот стих и смерть моего друга.

Я открываю следующий пост, на картинке открытая дверь, из-за которой падает свет. Название стиха под картинкой «Стук».

В этот самый момент раздается стук в мою дверь. Я выкидываю телефон из рук.

Не включая свет, иду в коридор. Отодвигаю крышку глазка, луч света с площадки врывается в темноту квартиры. За дверью мужчина, лет сорока, не похоже, что он будет предлагать мне провести интернет от нового провайдера. Открываю дверь и шурюсь яркого света.

– Владимир Павел Владимирович? – спрашивает пришедший.

– Верно.

Он протягивает удостоверение.

– Кириллов Игорь Андреевич, отдел собственной безопасности, регионального управления внутренних дел.

Сверяюсь с удостоверением, с фотографии на меня смотрит человек немного помоложе, но с тем же, пронизывающим насквозь, взглядом голубых глаз.

– Хочу пообщаться с вами по поводу вчерашнего инцидента, произошедшего с лейтенантом Коровиным.

– Да, конечно. – Пропускаю вечернего гостя в квартиру, включаю свет. – Пойдемте на кухню. Чай будете?

– Если предложите, не откажусь.

Мы проходим на кухню. Включаю плиту, воду еще нужно вскипятить, я сегодня дома ни чего не готовил.

– Вы ездили с Коровиным вдвоем? – Начал незваный гость.

– Да, мы поехали с Максимом вместе. Вообще-то я хотел ехать один, но Максим решил ехать со мной.

– Кто был в курсе вашей поездки?

– Я, Максим, этот Сеницын и капитан Семенов, он отпустил Максима после обеда. – Кириллов делает пометки у себя в блокноте. – Чай черный или зеленый? – Чайник как раз засвистел.

– Черный. Вы не заметили ни чего необычного в поведении Коровина, пока ехали?

– Необычного. Нет, хотя я не настолько сильно его сейчас знаю, мы учились вместе в институте, а потом несколько лет

не видели друг друга. Так что не могу сказать, какое поведение для Максима обычное, а какое нет. Ну а в общем ни чего необычного, ехали, разговаривали, начиналась метель. Только то, что Максим был с оружием, меня немного смутило, поездка все-таки нерабочая. Он сказал, что не успел его сдать. Как оказалось позже, оружие пригодилось.

– Он не сказал вам, по какой причине не сдал пистолет?

– У них там какие-то стрельбы были учебные. – Ответил я, ставя на стол две кружки с чаем и садясь рядом.

– Хорошо. Что произошло там в деревне?

– Доехав до деревни, я позвонил Сеницыну, он сориентировал нас как найти его дом. Хорошо, что он оказался последним, а то домов через метель не было видно, только забор вдоль дороги. Когда мы шли к дому, он, Сеницын, светил фонарем, указывая нам, где дверь. Потом погасил фонарь и свет в доме стал гаснуть. Следом за этим последовал выстрел, в нас полетели щепки. Убегающий Сеницын налетел на меня. Максим сказал мне оставаться в доме и бросился за ним.

– То есть, тот кто вас ждал, сначала показывал вам дорогу к дому, а потом, ни с того ни с сего, взял оружие, начал по вам стрелять и скрылся.

– Можно и так сказать. Но не думаю, что в тот момент он стрелял в нас. Скорее он стрелял, чтобы сбить дверь с петель и убежать, пока мы будем уворачиваться, от летящих в нас щепок и двери. – Он снова сделал пометку в блокноте.

– Что происходило дальше?

– Я только успел зайти в сени. Услышал выстрелы, схватил лежавший на полу фонарь, взял одно из ружей и побежал.

– Где было ружье, которое вы взяли?

– Там под лавкой была сдвинута одна из половых досок.

Под ней лежало еще несколько охотничьих ружей. Я не удивился такому количеству оружия. Деревня в лесу, там, наверное, все мужики охотники.

– В лесу что происходило?

– Я старался не сбиться со следа. Метель быстро заметала их следы. Несколько раз чуть не врезался в дерево. Услышал пару выстрелов. Первый из пистолета, второй из ружья. Я в этот момент еще подумал, если у Синицына ружье двуствольное, то у него больше нет патронов. Потом был звук борьбы и всплеск воды.

– Последовательность выстрелов точно как вы говорите, сначала пистолет, потом ружье. Вы в этом уверены?

– Да. Звук выстрела из ружья гораздо сильнее пистолетного.

– Хорошо. – Снова пометки в блокноте.

– Значит всплеск воды. Я шел в сторону, откуда был этот звук. Под ногами была поляна вытоптанного снега. Было видно, что здесь боролись, и от этого места к реке тянулась тропинка. Да, еще след крови. Одна непрерывная полоска крови. Я очень испугался за Максима. Он сказал, что Синицын попал себе в ногу, когда Максим догнал его.

– Сам себе. Специально?

– Нет. Максим его догонял и на последних метрах прыгнул на него. И в момент, когда навалился на Сеницына, тот по инерции дернулся и нажал на спусковой крючок. Максим на него прыгнул сзади, а ружье было опущено.

– Получается след от крови, это была кровь Сеницына.

– Да. Максим потом показал, что сам напоролся на сучек. Но его рана на руке не кровоточила сильно и не оставила бы такого четкого следа на снегу.

– Хорошо. Все что вы мне рассказали. Вы знаете только со слов Коровина. Сами вы ни чего не видели. Верно?

– Да. Я только слышал. Видеть не мог из-за снега. Все подробности кто куда выстрелил, это мне рассказал Максим.

– След на снегу, который тянулся к воде. Какой он был.

– След крови – сплошная темная полоса. Не слишком широкая, но, вполне заметная в метель.

– Так. А тот след от борьбы, который вел к воде?

– Я бы не сказал, что это был след от борьбы. Он был не широким. Скажем так, если там кубарем передвигались два человека, то посмотрев на оставшийся след, об этом не скажешь. Но здесь игра света и тени. Точнее сказать игра фонарного луча во мгле метели.

Кириллов дописал в своем блокноте и закрыл его. Взял кружку чая, к которой не притронулся, пока расспрашивал меня.

– Скажите, Павел, вы давно знакомы с Коровиным?

– Уже десять лет. Мы учились вместе. Я, Максим и Костя были весь институт были лучшими друзьями.

– И все эти десять лет вы постоянно общались. Все вместе. Втроем. Так?

– Нет. Через пару лет после института Максим вдруг пропал. Ну как пропал. Он перестал отвечать на телефон и в социальных сетях. Профили его в интернете остались, даже было видно, что он заходит на свои странички. Но на сообщения он не отвечал.

– И как давно вы встретились снова?

– Вот пару дней назад, когда я ходил в полицию к Семёнову, рассказывать об обстоятельствах смерти Кости. Там я и встретил Максима.

– Получается, что несколько лет вы о нем не слышали, ни чего не знали и не видели его самого.

– Да. Я бы сказал, что наша встреча была бы куда более радостной, если бы не предварившие ее трагические обстоятельства.

– На ваш взгляд, после института, Коровин изменился? Вы ему доверяете?

– Да. Вполне. Я бы не сказал, что он сильно поменялся. Он стал, скажем так, немного суше. Наверное, профессиональная привычка работы в полиции сказывается. А в остальном, он такой, каким был в институте. Его сильно беспокоит смерть Кости, точнее те обстоятельства, при которых это все произошло. Не знаю, я был там, смотрел видео с уличных

камер. Меня ни чего не смущает в том, что это все признали несчастным случаем. Но Максим в этом засомневался. Знаете, он навел меня на этого Сеницына и на водителя Иванова. Максим думает, что смерть Кости не случайна.

– Кто такой Иванов?

– Водитель грузовика, под колесами которого погиб Костя. – Кирилов снова открыл свой блокнот. – Максим нашел информацию, что этот Иванов был клиентом нашей фирмы, Костя с ним работал. Я пообщался с ним, и оказалось, что раньше Иванов работал вместе с Сеницыным. После чего я, точнее мы с Максимом, отправились к Сеницыну.

– Хорошо. Спасибо за чай. Моя визитка. – Кирилов протянул мне черную визитку на дорогой бумаге, где его контактные данные были написаны золотыми чернилами.

Я закрыл дверь и остался один, в тишине. Что за вопросы мне задавал этот Кирилов. Верю ли я Максиму, не изменился ли он! Бред. Конечно, я не знаю, что за проверку они там проводят, думают, что он врем по поводу смерти Сеницына, что Максим см его застрелил, а труп сбросил в реку. Вот были бы сами на нашем месте, особенно на месте Максима, в лесу в метель, один на один с человеком у которого ружье. Хорошо, что Максим не успел сдать свой пистолет.

Из комнаты раздался писк. Телефон Кости! Подхожу, на экране уведомление «poet_in_black, разместил новую запись».

На улице зима. Прямо настоящая зима. И не скажешь, что несколько дней назад о снеге и морозе не было никакого намека. Снег хрустел под ногами, слепил глаза отраженным солнечным светом и просто радовал, поднимая настроение, отсутствующее в свете всех происходящих событий.

Новый пост этого Поэта в черном, читать я не стал. Как то не по себе. Я просто смахнул с экрана, уведомление и лег спать, если постоянное ворочание в постели можно назвать сном. Утром я позвонил Анне Викторовне, хорошей подруге моей мамы, а за одно, и одному из лучших психологов в городе. Нужно было пообщаться с ней, по поводу этого блога в сети. Хорошо, что для меня у нее всегда найдется время.

Обстановка в кабинете Анны Викторовны была более чем успокаивающая. Такая, что люди, приходящие за помощью специалиста, начинаю расслабляться и настраиваться на умиротворяющий лад еще с порога.

Секретарь предложила мне подождать в приемной, на мягком кожаном кресле. На выбор был еще диван, но для меня одного он был слишком велик. Я расположился в кресле, утонул в нем. Напротив, была дверь кабинета приема, слева стоял аквариум с рыбками, я присмотрелся, а рыбки были все золотые. Вот так сидишь, ожидаешь свое время, расслабляешься, смотришь на золотых рыбок и загадываешь желание, а потом в кабинете, врач волшебник его исполняет.

На журнальном столике перед аквариумом лежали журналы, все про путешествия, разные страны с красивыми кар-

тинками, на которых море, солнце, пески пляжей, все то, чего не хватает в осенне-зимний период у нас. Я взял один из журналов и начал листать. Эти теплые картинки манили к себе, завораживали, заставляли думать о приятном, о том как легкий морской бриз, обдувает лицо, а волны плещутся о берег.

В этот момент дверь кабинета открылась и предыдущий посетитель вышел. Я бросил взгляд на выходящего, точнее вышедшую и замер.

Девушка еще раз сказала в темноту кабинета «до свиданья» и, закрыв дверь, повернулась ко мне лицом. Наши взгляды встретились. С ее лица исчезла легкая улыбка.

– Не ожидала тебя здесь встретить. – Сухо сказала девушка.

Я смотрел на нее и не знал что ответить.

Катя, моя бывшая девушка, мы расстались с ней полгода назад, стояла у двери кабинета и сверлила меня взглядом.

– Специально пришел, чтобы помаячить у меня перед глазами?

Я отложил журнал, встал и пошел по направлению к кабинету и, соответственно к ней.

– Нет, поверь. Я и понятия не имел что встречу тебя здесь. А пришел я, в общем-то, не на прием. У меня есть к Анне Викторовне несколько вопросов, скажем так, по ее специальности.

Катя резко отвернулась от меня и пошла к выходу. Я про-

тянул руку к дверной ручке, но не смог удержаться и посмотрел ей в след. Эти каштановые волосы, эта ровная, как струна осанка. Как давно я ее не видел и как недавно смог смириться с нашим расставанием. Она сняла с вешалки свой пуховик и одевалась, не глядя в мою сторону.

В этот момент дверь кабинета открылась, я только успел отпустить ручку. На пороге стояла Анна Викторовна.

– Заходите. – Начала она приглашать следующего посетителя. – А, Павел, это ты. Проходи.

Я зашел за ней в кабинет и закрыл дверь. В последний момент, когда в закрывающуюся дверь еще можно было видеть коридор, я поймал движение Кати, она повернулась в мою сторону, но дверь захлопнулась.

Анна Викторовна жестом пригласила меня сесть на диван, такой же как стоял в приемной.

– Присаживайся Паш, если есть желание, можешь лечь. Как твои дела? Давно тебя не видела.

– Спасибо, в общем, все не плохо. На работе проблем нет, набираю авторитет среди коллег и клиентов.

– Это хорошо. Авторитет в наших профессиях очень важен. Ты думаешь продолжать работать в фирме или открыть свой кабинет?

– О своем кабинете я пока что не думал, меня в фирме все устраивает.

– Ну и славно. – Анна Викторовна посмотрела в блокнот. – Так, ты хотел со мной поговорить о каком-то секрет-

ном вопросе.

– Да, по телефону я даже и не нашелся, как назвать свой вопрос. Он, скажем так, больше не секретный, а профессиональный. Только я не хотел этого говорить по телефону.

– Конспирация. – Анна Викторовна улыбнулась.

Я развел руками и улыбнулся в ответ, не найдя, что сказать. Диван был очень удобный, думаю лежать на нем и разговаривать с психологом о своих проблемах очень хорошо. Но лечь я не стал.

– Думаю, вы видели в новостях о смерти Константина Николаева.

– Да, трагическая новость. Если не ошибаюсь, он был твоим однокурсником.

– И другом и коллегой.

– Соболезную, Паш.

– Спасибо. Так вот, Анна Викторовна, в тот трагический вечер мы с Костей ехали с работы вместе, и все произошло у меня на глазах. Костя погиб, а я не смог ни как этому помешать и вообще что-либо сделать.

– Ох, даже так! И ты хочешь обо всем этом поговорить. Ты, наверное, винишь себя во всем произошедшем?

– Нет. Себя я ни в чем не виню. Но переживаю все снова и снова. Но к вам я пришел поговорить не о моих переживаниях.

Я достал Костин телефон и начал крутить его в руках.

– Все произошедшее было несчастным случаем. Следо-

ватель опросил не только меня и водителей тех машин, и остальных свидетелей. И ни кто не видел, ни чего странного во всем этом. Это был несчастный случай. Костя впал в какой-то ступор. А потом все произошло.

Анна Викторовна стала записывать за мной.

– Но в полиции я встретил нашего с Костей однокурсника. Его зовут Максим, он служит в полиции. Так вот, он считает, что все произошедшее не случайно.

– Боже мой.

– Не пугайтесь раньше времени. – Я попробовал улыбнуться, но улыбка вышла очень натянутой. – Так вот, Максим, выяснил, что водитель грузовика, под колесами которого погиб Костя, был клиентом нашей фирмы и Костя вел его дело. Я поднял материалы, созвонился с водителем, пообщался, оказалось то, что они раньше работали вместе с водителем автобуса, который изначально сбил в Костю, от чего он отлетел в его грузовик.

– То есть во всей этой случайности событий, оказались два человека которые знакомы. И он оба, так сказать, причастны к смерти твоего друга.

– Да. Я сам этому не поверил. Но с фактами не поспоришь. Потом я созвонился с водителем автобуса и договорился с ним о встрече. Эта встреча привела к его смерти.

– Как! Еще один погибший? – Анна Викторовна выронила ручку.

– Да. И хорошо, что на эту встречу со мной поехал Мак-

сим, иначе я не знаю, чем все могло обернуться.

– Да уж. – Выдохнула Анна Викторовна.

– Это еще не все! Потом я обнаружил в своей куртке телефон Кости. Как оказалось, перед смертью он случайно положил его в мой карман. И вот здесь начинается самое непонятно.

Я включил телефон, открыл соцсеть и нашел профиль этого Поэта в черном и протянул его Анне Викторовне.

– Смотрите. Вот этот пост, Костя читал в автобусе. – Я открыл тот стих про цвета и подождал, пока Анна Викторовна его прочитает. – А потом мы вышли из автобуса и все произошло. Можно сказать, так, как здесь и написано.

– То есть, ты хочешь сказать, что после того как твой друг прочитал этот стих и посмотрел эту фотографию, он погиб так как тут сказано.

– Именно! Я не один раз пересмотрел видео с камер уличного наблюдения. Если внимательно присмотреться, то видно, что в момент, когда на светофоре меняются цвета с красного и желтого на один зеленый, то они в мгновение загораются одновременно. Все три цвета – одновременно.

– «Три цвета призванных спасти, убьют». – Анна Викторовна прочитала вслух строчку с телефона.

– Да. А дальше было все как написано в стихе. Костя замер, а потом начал падать и лишился жизни. Все как тут и написано.

Анна Викторовна внимательно смотрела на экран телефо-

на. Я видел по губам, что он еще раз прочитала стихотворенье. Наклонила голову влево и вправо, изучая рисунок.

– Картинка. Она указывает именно на тот момент на светофоре, о котором ты говоришь. Когда все три его цвета загорятся или моргнут вместе.

– Я это заметил. Эта картинка не просто так для красоты и привлечения внимания.

– Ну почему. Она как раз для привлечения внимания. Чтобы наш мозг запомнил именно этот момент. О нем говорится в тексте. А потом указано действие, которое мозг должен сделать после того, как встретит похожую ситуацию.

Анна Викторовна положила телефон на стол.

– Мне все понятно. Это манипуляция сознанием.

– Гипноз?

– Одна из его разновидностей. Присаживайся, сейчас более подробно расскажу. И нам не помешает чай.

Анна Викторовна встала, подошла к шкафу справа от ее стола. За дверцами оказался небольшой бар, я смог разглядеть только несколько чайных упаковок.

– Предвосхищу твое удивление, – ответила Анна Викторовна на мою реакцию, – это не мини бар! Это, так скажем, чайно-успокаивающий бар. Иногда просто необходимо угостить пациентов чаем или другим успокаивающим напитком. Черный или зеленый?

– Черный. Спасибо.

Кружка с горячим ароматным напитком опустилась на

журнальный столик. Анна Викторовна расположилась на диване рядом со мной.

– В данном случае, это не тот гипноз, каким мы привыкли понимать его, когда один человек гипнотизирует другого посредством каких-либо изображений, звуков и тому подобного, вводя человека в бессознательное состояние, называемое гипнотическим сном. Нет. Здесь имеет место внушение наяву. Так же, научно на латыни, это процесс называется суггестия. – Она отхлебнула чай. – Такое внушение возможно, при условии того, что человек воспринимает информацию без какой-либо критической оценки, так сказать, без той цензуры, которой наша психика подвергает любую поступающую извне информацию.

Психика человека состоит из трех составляющих: сознания, подсознания или бессознательного, и цензуры психики. Именно цензура психики является тем барьером критичности на пути поступающей из внешнего мира информации, который сопоставляет эту информацию с психологическими устоями человека, и определяет, как человек ее воспримет, насколько она приемлема сложившемуся у человека психологическому патеру поведения. На этом и построено то, что нома поведения для одного человека, является для другого аморальной.

Чтобы внушить человеку, ту программу поведения, которую мы хотим ему внушить, нужно обойти именно этот фактор нашей психики, ее цензуру. А уж обойдя эту цензуру,

человеку можно заложить любую программу поведения, сделать из добропорядочного гражданина преступника, из прилежного отца семейства закоренелого алкоголика, и тому подобное.

Анна Викторовна отхлебнула чай и продолжила.

– Внушение оказывается наиболее эффективным тогда, когда активно воздействует на чувства, вызывая эмоции. В таком случае ослабляется цензура психики, и информация беспрепятственно проходит в подсознание и в сознание. Когда внушаемая информация попадает в подсознание, человек может бессознательно выполнить заложенные в его мозг установки, до конца, не осознавая своих действий. Так как внушенная ему информация из бессознательного рано или поздно перейдет в сознание. Если информация, минуя цензуру психики, сразу попала в сознание, то это уже руководство к действию. Причем и в этом случае человек может совершать поступки, до конца их не осознавая.

Внушением, как процесс, включает в себя три последовательных шага. Первый – это внушение программы поведения, передаваемой человеку тем или иным способом. Здесь может быть активирован процесс самовнушения, что приводит к тому, что тот человек, которому мы хотим внушить эту определенную программу, внушает ее сам себе.

Второй – мозговые психофизиологические механизмы, обеспечивающие исполнение раннее внушенной программы.

И третий – выход психонервного процесса на исполнительные системы. В таком случае поведение, восприятие и телесные функции становятся адекватной привитой раннее программе. А процесс внушения, завершается превращением внушаемой программы поведения в действие.

– Получается, что этот пост в сети – это бомба замедленного действия?

– Да, Паш, ты правильно меня понял. Здесь, на лицо, все три шага процесса внушения. И вполне вероятно, что твой друг, увидев картинку и прочитав текст, неосознанно запрограммировал себя на определенные действия, в определенный момент. Сам того не подозревая.

Он подошла к столу, взяла телефон и вернулась на диван.

– Смотри. Картинка. Яркая, цветная, красочная. Она привлекает наше внимание, заставляет взгляд остановиться на ней, на кого-то она воздействует более эмоционально. И этот человек попадает, скажем, так, в сеть нашего гипнотизера. Далее идет стихотворение. В первом четверостишье весьма эмоциональное, показывающее определенный душевный порыв того, кто его написал. Эти эмоции создают обусловленный эффект правдоподобности стихотворенья, именно они нужны для того, чтобы обмануть нашу цензуру психики, коснуться определенных «струн» в читающем эти строки и, тем самым, обойти цензуру его психики. Что позволяет дальнейшей информации, в следующем четверостишье, содержащей некую программу поведения, беспрепятственно проникнуть

в наше бессознательное и затаиться до определенного момента, чтобы перейти в сознание и выразиться в действиях, которые заложены во внушаемой программе поведения.

– Но подождите. Здесь у нас нет того самого гипнотизера. Автобус, в котором мы с Костей ехали, был полным, но рядом не было ни кого, кто что-либо говорил Косте или как то пытался на него воздействовать.

– Внешне не было. Эту информацию Константин внушил себе сам.

Я развел руками в немом вопросе.

– В этом определенный секрет внушения. Невербальное воздействие на человека. Константин увидел завораживающую картинку, которая расслабила его психологическую цензуру. Прочитал стихотворенье. Оно ему понравилось. Еще раз посмотрел на картинку и у него в подсознании остался план действий при определенном исходе внешних событий. Вспомни, Паш, он не был в тот момент растерянным или погруженным в себя.

– Растерянным. Да. После вашей лекции, я скажу, что он был именно растерянным. Я окликнул его несколько раз, пригрозил, что он может проехать остановку, только после этого он откликнулся. И еще он положил свой телефон мне в карман.

Анна Викторовна протянула мне телефон Кости.

– Он и оказался тем самым гипнотизером, кто внушил себе информацию из этого поста. Когда мы читаем текст,

неважно вслух или про себя, мы все равно слышим свой внутренний голос. Поэтому Константин и оказался тем самым гипнотизером, кто внушил себе эту информацию. Своим же голосом! А ему, своему внутреннему голосу, мы доверяем сильнее, чем кому-либо. Посмотри на картинку и прочитай второе четверостишие.

Я погрузился в телефон. «Все изменит лишь мгновенье, три цвета, и замерев, лишишься жизни, падай ниц». И картинка под статью – красный, желтый и зеленый. Три цвета. Других оттенков на ней нет. А с костей все произошло после того как эти цвета мелькнули на светофоре, он замер и упал.

– Боже мой. – Я смотрел Анне Викторовне в глаза. – Выходит, убийца у нас все-таки есть.

– Уж не знаю, убийца или нет. Желал ли тот, кто ведет этот аккаунт, чьей либо смерти. – Анна Викторовна посмотрела в окно. – Если он действительно сделал этот пост чтобы опробовать такую систему внушения на неопределенном круге лиц, то, боюсь, что твой друг может оказаться не единственной жертвой.

– Вот так вот, несчастный случай, оказался убийством и, вполне вероятно, не одним убийством.

Я посмотрел на часы. Уже прошел почти час.

– Я, наверное, задержал вам прием следующего пациента. – Я встал, взял кружку, в которой был чай. – Куда ее отнести.

– Оставь на столе.

– Хорошо. Спасибо, Анна Викторовна. Я, собственно, не ожидал, что наша с вами беседа вот так перевернет все с ног на голову. Но что есть, то есть.

Я пошел к двери, Анна Викторовна шла за мной. Уже когда я был в коридоре, она сказала.

– Паш, вот еще что. Катя хорошая девушка, она очень сильно переживает за все. – На ее щеках появился румянец. Она полностью распахнула дверь и обратилась к сидевшим в приемной. – Прошу прощения за задержку! Заходите на прием.

– До свиданья. – Успел сказать я, пока за вошедшей в кабинет женщиной не захлопнулась дверь.

Вот так, за несколько дней, все произошедшее превратилось из несчастного случая, в кем-то спланированное убийство. Может, это все-таки не злой замысел, того, кто скрывается за этим блогом, а чистое стечение обстоятельств. Я не могу сейчас с уверенностью сказать, что это стихотворенье и картинка были сделаны этим человеком специально, чтобы убить Костю.

Нет! Этого не может быть.

Этот человек должен разбираться в психологии, во всех этих внушениях, гипнозах. Во всевозможных способах заставить человека делать какие-либо действия. А уж так изошренно, как говорит Анна Викторовна – внушение наяву. Этот человек должен не просто разбираться в психоло-

гии, он должен быть психологом, должен знать все эти приемы, механизмы их действия, как это все слепить так, чтобы человек сам, просто читая текст и видя изображение, сделал то, что от него хотят.

Если еще учесть тот фактор, что на этот блог подписана не одна тысяча человек. То сделать что-то специально, чтобы воздействовать именно на одного своего подписчика, невозможно! Для этого сначала нужно выделить из всей этой массы подписанных на тебя аккаунтов, зачастую безликих и под непонятными именами, именно того одного, на ком работает твой фокус.

Нет! Стоп! Не нужно выделять одного определенного. Потому что он не один. А из нескольких тысяч подписанных людей, обязательно найдется энное количество человек, чья психика на этом моменте работает по одному сценарию. По одному, жестокому сценарию, пропустив в мозг алгоритм действий, заложенный кем-то в текст стихотворенья и, тем самым, приговорив не осознавая этого, приговорив себя.

После этой мысли мне стало не по себе. Вот так, одним росчерком на клавиатуре, на той «нереальной» клавиатуре сенсорного экрана смартфона, набрать несуществующими кнопками слова, которые в дальнейшем обрекут РЕАЛЬНОГО человека на смерть. Я все понял. Тот, кто скрывается под этим ником «Поэт в черном», он псих, ненормальный. И уж точно, что он несет опасность для людей, осознавая это или нет, делая такие посты в сети специально или не задумывая-

ьясь о последствиях.

Прейдя домой, я сразу же сел за компьютер. Нужно просмотреть новостные ленты за эту неделю. Не одну и не две, а ленты по всем регионам страны. Произошедшее с Костей есть в сети, такие момент региональные новости не пропустят. Значит, нужно найти похожие случаи по стране. А похожи они будут, потому что во всех них, жертвы действовали по одному сценарию и этот сценарий – дорога, пешеходный переход и, самое главное, светофор.

Я открыл интернет браузер, на белом фоне экрана, повинаясь моим пальцам, нажимающим на физически реальные кнопки клавиатуры, побежали буквы. Так региональные новости. Вот первые ссылки на новостные сайты, которых в нашей стране, очень много, по несколько на каждый регион. Поиски будут небыстрыми. Но сделать это нужно.

Принтер шелестел страницами. Одна, вторая, третья... Десять листов информации, о схожих происшествиях, которые привели к смерти людей. Во многих городах страны, от соседних Белгорода и Воронежа, до дальнего востока.

Обстоятельства трагедий схожи, человек вдруг, ни с того ни с сего остановился, а потом упал. У все случаи произошли, как я и предполагал, на пешеходных переходах.

Все ссылки на новости я сохранил в браузере. А сейчас распечатывал страницы содержащие краткую информацию о каждой из трагедий, в некоторых новостях даже писали имя

погибшего. И в каждой новости было видео с уличных камер. Все ссылки я так же указал здесь на бумаге.

И теперь, держа в руках распечатанные страницы, я видел масштаб произошедшего. Этот «Поэт в черном» независимо от того где он находится, смог убить такое количество человек в разных городах. Вот до чего техника дошла, с современными технологиями можно убивать, не видя жертву, не прикасаясь к ней, не делая ни каких действий, а всего-навсего написать в социальной сети текст, даже не содержащий явных призывов следовать за ним. Текст, который сам проникнет в твоё подсознание, чтобы тебя убить.

Я достал телефон, вытащил из списка контактов Максима и набрал его номер. Гудки.

– Коровин, слушаю.

– Максим, привет.

– А, Паша, привет. Говори быстрее, весь в бумагах, надо срочно к начальству бежать.

– Макс, у меня много новой информации по поводу Кости.

– Понял. Давай в атмосфере, часиков в восемь!

– Хорошо.

Короткие гудки.

Тот же столик, та же расслабляющая обстановка «Атмосферы», на столе бокал бренди, я полулежу в кресле в ожидании друга. Ненавязчивым фоном играет музыка, а из мо-

ей головы не выходит Катя. Сколько месяцев я ее не видел, шесть. Сколько месяцев, как смог хоть немного забыть о ней, о всем, что у нас с ней было и всем, что произошло. Четыре? Три? А может и того меньше. Вечерние посиделки с Костей в компьютерных играх хорошо мне помогали, а вот теперь Кости нет. Всю эту неделю после трагедии в моей голове только произошедшее. Но сегодняшняя встреча с Катей.

Не случайно у Анны Викторовны нашлось для меня время. Именно сегодня и именно в тот час. Когда с ее приема будет уходить Катя. И вот опять, воспоминания, переживания. Трагедия, одна за другой и все в один год. Так, ладно, возьми себя в руки. Вот уже и Максим идет. Я сделал глоток бренди и протянул другу руку, чтобы поздороваться.

– Привет, еще раз. Немного задержался. Бумаг полно, отчеты, рапорты. Что произошло там в лесу. В общем, нет мне сейчас на работе спокойной минуты.

Максим сел напротив и позвал официанта. Я подождал, пока он сделает заказ.

– Знаешь, ко мне приходил следователь из собственной безопасности. Узнавал, что известно мне по поводу этого инцидента.

– Вот и я все об этом пишу и пишу. Стандартная проверка, по факту гибели гражданина, при действиях сотрудника органов внутренних дел. Выясняют, не убил ли его я.

– И свидетелей опрашивают. – Мы засмеялись, в этот момент Максиму принесли его заказ.

– Голоден, ужас.

Он принялся есть, а я достал Костин телефон и положил на стол.

– Вот, телефон Кости. – Максим приподнял бровь. – Он оказался в кармане моего пуховика. Похоже, Костя перед смертью, случайно положил его мне, мы спешили перейти дорогу.

– Интересно. Что ты там нашел. Всю его переписку прочитал.

– Да ну, я не об этом. Я, когда нашел его в кармане, сначала побоялся его трогать. Потом я стал вспоминать, что Костя там смотрел, когда мы ехали в автобусе. И, представляешь, я нашел то, что он смотрел!

– Классно!

– Если бы. – Я открыл этот пост и повернул телефон к Максиму. – Вот. Пост в Инстаграм. На первый взгляд непонятная картинка и стих неизвестного автора.

Максим взял телефон и прочитал пост. Потом посмотрел на меня и положил его на стол.

– Непростой стишок то! – Сказал он.

– Оооооо! Настолько не простой, что волосы дыбом встанут.

– Я о том же. – Ответил Максим.

– Сегодня я ходил к психологу. Не нужно вопросительных взглядов, это подруга моей мамы. Она перевернула все произошедшие события с ног на голову! Максим, ты был прав,

это не несчастный случай, это убийство!

Максим положил приборы рядом с тарелкой.

– Так вот, все вот это, – я ткнул пальцем в лежавший на столе телефон, – научно называется, прием внушения наяву. Что-то сродни гипнозу.

– Этот как цыгане действуют. Ты все видишь, но не понимаешь своих действий.

– Примерно так. Только, не видишь и делаешь, а мозг воспринимает информацию, которая приведет его к действиям в будущем.

Максим почесал затылок

– Не совсем сейчас понял. Ты хочешь сказать, что за всем этим замаскирован некий прием гипноза. Костя посмотрел картинку и начал действовать по чьему-то плану?

– Не только картинку. Тут все взаимосвязано. Картинка только часть этого внушения. А вот уже дальнейшие действия написаны в стихотворении под ней. – Я включил телефон, на экране появилась эта трехцветная картинка. – Вот слушай. – Я прочитал стихотворенье в слух. – Понял? Три цвета – это светофор, который в тот момент как раз на мгновенье загорелся всеми тремя цветами, я пересматривал видео с камер, там какая-то доля секунды, когда эти все три света горят одновременно, в реальном времени не заметно, а на видео это есть. И это, так роковая секунда, о которой говорится в стихотворении – но все изменит лишь момент, мгновенье. Понял.

Максим повернул телефон к себе и начал читать, было видно, как шевелятся его губы.

– И замерев, ты как скульптура возрождения, лишишься жизни. – Он погасил экран. – Ведь все так и было.

– Что я тебе и говорю. Сотри, как я понял из лекции психолога, это внушение наяву вполне возможно без воздействия постороннего человека. Достаточно, чтобы в том предмете, которым воздействую, содержались три фактора, влияющих на наш мозг. Этим предметом воздействия и является этот пост! Дальше. Картинка нацелена на то, чтобы привлечь наше внимание, это, своего рода, то чем гипнотизер вводит пациента в гипнотический сон. Дальше стихотворение. Его начало написано так, что читающий начинает сопереживать, находит в тексте то, что ему близко, что его задевает. Тем самым стихотворенье расслабляет нашу психику и убирает психологический барьер – цензуру, которая позволяет нам критически относиться к вновь поступающей информации. Таким образом, мозг перестает критически оценивать этот стих и начинает воспринимать его буквально. И дальше, уже второе четверостишие, в котором и кроется весь посыл действий, которые этот негодяй хочет внушить. Здесь тебе и момент, в который необходимо начать действовать по этому «плану» и все действия, которые человек должен выполнить. И все это, воспринимается нашим мозгом буквально и содержится в подсознании, пока не настанет то мгновение, в котором есть три цвета. А какие эти три цвета – они

вот здесь, перед глазами на картинке.

– Получается, что и мы с тобой, прочитав это, запрограммировали себя действовать так же?

– Нет. Здесь уже все зависит от особенностей психики каждого человека. Тот, кто к этому более восприимчивый, на того все это подействует. Как и произошло с Костей. – Я сделал глоток. – Если бы моя психика была такая же, как у него, я бы с тобой сейчас здесь не сидел.

Максим сел, откинувшись на спинку кресла, и смотрел на меня.

– Если это так. То все случившее на самом деле убийство. Но тогда.

– Да, – я не дал ему договорить, – есть другие жертвы. По всей стране. – Я достал распечатанные выдержки из интернета. – Смотри, вот что я сегодня нашел в сети. Только здесь боле полусотни погибших при схожих обстоятельствах. И это только те случаи, о которых я нашел информацию на новостных сайтах. А представь, сколько таких новостей не было выложено в сеть или о них просто не давалось информации.

– Что, получается, у нас серийный убийца!

– Я бы сказал – маньяк. И сколько уже жертв от его действий в сети мы не знаем.

– Пока что не знаем. Максим взял телефон. Здесь все есть. Передадим экспертам, они по косточкам разберут все, что было выложено в этом аккаунте. И скорее всего, это дело

пойдет в Москву. Слишком крупное оно для нас.

– Макс, ты был с самого начала прав, что это не несчастный случай. Теперь все твои догадки подтвердились. И этого убийцу нужно найти.

– Не так-то все и просто. Помимо того, чтобы его найти, нужно еще завести дело. А кто захочет начинать то, что вполне вероятно останется нераскрытым. Статистика – вещь суровая. Ладно, давай за то, чтобы се было хорошо. До дна!

Остаток вечера мы провели в «Атмосфере», музыка, танцы. Мозг забывает всю дневную рутину.

Забывает, но не всю. Катя! Катя, зачем ты появилась снова, ведь я уже смог обо всем забыть. И вот опять.

На улице мороз, зима, снег. Он хрустит под ногами. На дорогах снегоуборочная техника, до сих пор пытается очистить город от последствий метели. Я иду, один на всю улицу. Три часа ночи. Город досыпает последние часы, досматривает сны. Скоро вставать на работу и все закрутится по новой.

Номер Кати я удалил из телефона, это был заключительный шаг в нелегком процессе, под названием «забыть». Казалось в тот момент, когда палец нажал «ОК», подтверждая удаление, в мозгу щелкнул переключатель, выключив воспоминания о ней. Но все оказалось не так. Сейчас пальцы сами набирали ее номер. Сами! Он что, сохранился в моем подсознании, я сам стал жертвой этого пресловутого внушения наяву. Вот они одиннадцать цифр сотового номера.

Палец жмет на зеленую кнопку вызова. Три часа ночи! Что ты делаешь, она еще спит. Гудок, гудок, гудок... Она не ответит, а я не сбрасываю вызов. Темнота, снег, тишина, в левом ухе очередной гудок и вдруг...

8

Вместо гудка тишина. Нет, это не сбросился вызов, это Катя ответила. В трубке тишина, я слышу ее дыханье. Она молчит, я молчу. Секунды тянутся, складываются в минуты, пальцы уже замерзли держать телефон на морозе.

– Зачем ты позвонил? – Слышу я в трубке.

– Хотел тебя услышать.

– Услышал? Рад?

Молчу в ответ.

– Может тогда разъединиться, чем вот так просто молчать?

– Кать, я не хочу разъединяться. Вообще-то я надеялся, что ты спишь и не возьмешь трубку.

– Тем более нужно завершить этот разговор, раз ты и так не хотел разговаривать.

– Нет, подожди. – Мой мозг быстро подбирал слова, чтобы не выдать вот так сразу то, что я хочу ее видеть. – Тут холодно. Поговори со мной, пока я иду домой.

– Ты пьян? Вызови такси и езжай, чтобы не замерзнуть.

– Я заеду за тобой! – Эти слова вырвались на столько неожиданно, что я сам удивился, услышав их.

Тишина, но она не сбрасывает вызов.

– Хорошо. – Слышу я в трубке, и начинаются гудки.

Что это сейчас было? Спонтанный звонок, неожиданное, даже для меня самого, мое предложение заехать за ней. И вот я уже составляю маршрут поездки в мобильном приложении такси. Я был удивлен, что помню телефон Кати, эту случайную последовательность из одиннадцати цифр, а ее адрес я помню, его я не забывал. Ведь адрес это не тот номер, который можно набрать в телефоне и вот так в любое время поговорить с человеком. По адресу нужно ехать, а значит оторваться от своих дел, отложить все на потом и поехать. Это не телефон. Адрес не соединит двух людей вот так спонтанно, как сейчас это сделал номер телефона.

Вот мы уже вдвоем в такси. На заднем диване, я за водителем, Катя с правой стороны. Молчим, только радио наполняет салон автомобиля легкой ночной музыкой.

В лифте ни кто из нас не проронил ни слова. Я все смотрел на нее, а она ни разу не посмотрела на меня, все время куда то мимо, в пустоту. Внутренности дверного замка лязгнули, повинувшись приказам ключа, выстраивающего все запирающие штифты в одну, только этому ключу подвластную, верную комбинацию. Проходим в комнату.

– Тебе чего-нибудь налить? – Нарушаю я царящую атмосферу тишины.

– Нет, спасибо.

Катя подходит к окну, отдергивает штору и смотрит на ночной, заметенный снегом город. Я стою у противополож-

ной стены, прислонившись к ней, и смотрю в спину своей бывшей девушки. За время поездки в такси, после нашего телефонного разговора, накопилось много вопросов, которые рвутся наружу.

– Я очень удивлен, что ты согласилась приехать ко мне. После стольких месяцев.

Она отвечает не оборачиваясь.

– Знаешь, после нашей утренней встречи, у меня появилось ощущение, что тебе нужна помощь. Ты сильно изменился.

– Это связано со всеми произошедшими за последние годы событиями.

– Теми, что были пол года назад или с последними? – Она не оборачивалась ко мне, смотрела в окно, штора не давала мне видеть ее отражение.

– Знаешь, все наложило свой отпечаток. То, что произошло с нами весной, было страшно. За прошедшее время, как-то все успокоилось. Я уже вошел в ритм жизни и вот, снова произошло то, чего не должно было случиться. Снова смерть, на этот раз моего друга.

– А тогда, полгода назад. Что тогда произошло? То чего не должно было случиться?

– Катя. – Я оттолкнулся от стены и пошел к девушке.

– Нет, не подходи. – Я остановился.

– То, что произошло тогда. Там все было по-другому.

– И тогда и сейчас были прерваны жизни. – Я услышал

всхлипывания, она заплакала.

– Но ведь тогда, от нас ни чего не зависело. Это была еще не начавшаяся жизнь.

– Для тебя эта жизнь была и не начавшейся. Но для меня, это была реальная жизнь. Это была часть меня. Ребенок, который растет и развивается в материнской утробе.

Я сел на диван и обхватил голову руками. Ее слова резали по живому. Есть разные взгляды на человеческий эмбрион, начинающий свою жизнь в материнской утробе. Одни считают, что это всего лишь плод, а другие, что это не просто маленький живой организм, это уже начавшаяся жизнь, которую нужно хранить и лелеять.

– Катя, но ведь ты мне в тот момент, ни чего не сказала. Я был не в курсе и поэтому мои действия, привели к произошедшему. Если бы я знал, что ты была беременна, я бы все сделал по-другому. Я не знал. Почему ты мне не сразу не сказала, что у нас будет ребенок.

Теперь эмоции захлестнули и меня, и по щеке потекла слеза. Да, я был виноват в случившемся. Я не был аккуратен, из-за меня произошел выкидыш, и мы потеряли ребенка, а впоследствии, и друг друга. Я очень тяжело пережил произошедшее, сказать по правде, какая-то часть меня покинула наш мир вместе с этим ребенком и пыталась утащить вместе с собой меня всего. Я несколько раз останавливался на краю крыши с желанием сделать этот последний шаг. Но я удержался. Я пережил. Как сказать пережил, я живу со

всем этим. Катя тоже живет со всем этим, время, оно помогает привыкнуть жить с осознанием произошедшего. Говорят, что время лечит. Нет, оно не лечит, оно помогает привыкнуть, делает так, что все становится частью тебя, и ты с этим живешь, заплатив за все очень высокую цену.

– Я хотел сказать так, чтобы это был сюрприз. Чтобы эта новость стала таким днем в нашей с тобой жизни, чтобы мы его запомнили навсегда. – Говоря это, она повернулась ко мне, ее глаза были красными от слез. Она стояла у окна и смотрела на меня.

– Вышло так, что мы запомнили совсем другой день.

Я встал, подошел к девушке и обнял ее. Она уткнулась лицом мне в плечо, от чего рубашка стала мокрой. Она рыдала навзрыд. Да она жила со всем этим, но ей, в отличие от меня, понадобилась помощь постороннего человека, чтобы научиться так жить. А меня не было рядом. Беда разделила нас. Мы, каждый переживая произошедшее, не смогли быть вместе, не могли пережить все вдвоем.

Через несколько минут она успокоилась. Сходила в ванную, умылась. Я в это время поставил чайник. Катя любит чай Каркаде, но сейчас его у меня не было, поэтому я навел нам обычный черный.

– Как ты после случившегося с Костей? Так жалко его. Этого не должно было произойти с ним.

– Тяжело, Кать. Но проще чем было весной.

Она села за стол, я разлил кипяток по кружкам.

– Ты себе даже не представляешь, во что превратилась вся эта история с Костей.

– Не поняла тебя. Я читала в новостях, что это несчастный случай.

– Я тоже сначала думал, что это так. Но происходящие сейчас события показывают, что я сильно ошибался. Я встретил в полиции друга, нашего с Костей однокурсника. Вот он сразу не был уверен, что тут все так просто. А на днях, я нашел у себя в кармане, телефон Кости. Кстати где он. – Я пошел к куртке и не нашел телефон в карманах. – Ах, точно, Максим же его взял. – Взял в комнате свой телефон. – Смотри, Костя был подписан на один непонятный аккаунт, называется он «Поэт в черном». И перед своей смертью Костя читал именно его пост в телефоне. Так вот, Анна Викторовна мне объяснила, что это не просто красивая картинка в сопровождении текста. Тут все составлено так, чтобы внушить человеку определенный порядок действий, который и привел Костю к смерти.

– Паш, сейчас ночь, думаешь, я хоть что-то поняла в твоих словах? – На ее лице мелькнула легкая улыбка.

– Проще говоря – смерть Кости, это кем-то спланированное убийство. Убийство не именно Кости. Нет, у этого убийства не было одной определенной жертвы. Этот Поэт, грубо говоря, целился во всех своих подписчиков. Он знал, что погибнут люди, но не знал в каком количестве и когда. Вот, – я достал из своей сумки распечатанные днем листы, – здесь

погибшие при схожих обстоятельствах. Погибшие по всей стране. Здесь почти сотня человек. И у всех все похоже на несчастный случай.

Катя пролистала бумаги.

– Как страшно.

– Да, Катюш, страшно. Было бы в наших силах найти этого поэта. Но он может быть где угодно и не факт что в России.

– Ты забыл, что мой брат, компьютерный гений. Думаю, он может в этом помочь.

– Честно, я о нем и не думал. Кто же знал, что после всего произошедшего мы с тобой встретимся!

Я включил телефон и взглянул на картинки в профиле этого поэта в черном. После той, которая привела Костю к смерти, появилась еще одна. Да, помню, было уведомление. Я нажал кнопку «подписаться», Костиного телефона у меня сейчас нет, а следить за этим человеком нужно, и открыл новый пост.

В этот раз все было не так ярко и красиво. Картинка в клеточку, нет, это была решетка, точно, оконная решетка. И маленькое четверостишье под ней:

*Один из трех, не больше и не меньше,
Гиперболоид в поле у реки.
Он ждет тебя, где графская усадьба.
Беги скорей, его смотри.*

На этот раз все было гораздо проще. Картинка не такая красивая, просто фотография оконной решетки и стихотворение. Всего четыре строчки. Что за гиперболоид, куда бежать. Нет, бессонная ночь не помощник в решении загадок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.